

Яков Кротов

**ХРИСТИАНСТВО
ПО
СИМВОЛУ ВЕРЫ**

Яков Кротов

**ХРИСТИАНСТВО
ПО
СИМВОЛУ ВВЕРЫ**

Москва, 25 октября 2024 года

Сайт автора: www.krotov.info
PDF вместо оглавления снабжён закладками

ПРЕДИСЛОВИЕ. ЧИТАТЬ, ЧТОБЫ ХОДИТЬ

Зачем читать (и писать) о вере?

Ну вот о сексе пишут для лучших занятий сексом, о деньгах пишут, чтобы денег больше было, а о вере? Чтобы веры было больше, чтобы от веры было больше удовольствия?

Не фига! Чтобы в церковь ходили, вот зачем! Потому что это вера в Бога, Который ходит к людям.

Но разве «ходить к людям» и «ходить в церковь» симметричны? Симметрично «ходить к людям»/«ходить к Богу»?

Э нет. Если бы человек был Бог — да, Бог ко мне, единому и единственному богу же, пришёл, я к Богу пришёл, всё по Канту, зеркальненько как Медуза у Персея.

Только человек не Бог, Бог один, а человек много. Молиться в одиночестве и молиться с другими — как вдох и выдох, правое и левое, писать и читать.

Это настолько самоочевидно, что надо бы поражаться, как это люди веруют и не ходят молиться с другими, но какое уж тут поражение. Ежу понятно: я бы рад пойти, но куда пойти, чтобы не получить по морде? Ну, по духовной морде духовным кулаком, но получить? Это же практически неизбежно даже в самом лучшем храме-приходе. О, не каждый раз, но духовная морда она такая нежная, что и одного раза достаточно. Самой вероятности достаточно. Ну нет в мире такой церкви — в широком смысле «церкви», православной, протестантской, католической — где не было бы такого риска. Даже у кротчайших квакеров можно схлопотать. Поэтому нормальный человек в церковь не пойдёт, нормальный человек церковь обойдёт.

И всё же — ищите, куда пойти! Выбирайте из разных зол то, которое подороже, трезво сознавая, что идеала нет и, что самое важное, быть не может. На безрыбье и церковь — храм. Если поссорился с настоятелем православного храма, можно, в конце концов, пойти в католический, если и тут поссорился, к буддистам. Вот сидеть сычом дома, не вариант, а полный локдаун душевный. Если пустят, зайти и к старообрядцам, и к тем, кто когда-то сжёг протопопа Аввакума. Сожгли

Джордано Бруно? И к ним зайти, и к ним прийти. Во-первых, они уже как бы извинились и, главное, вроде бросили эту затею с бруносжиганием, во-вторых, ну что поделаешь! Пепел Джордано Бруно стучит и в моё сердце, но с пеплом не помолишься, а с живыми помолишься. Может, на чай пить не оставаться, так ведь ещё могут и не предложить.

Ходить в церковь, где настоятель пьяница и взяточник, ходить в церковь, где молятся на непонятном языке, ходить в церковь, где тебе не рады, в уголке притулиться, но — ходить!

В конце концов, всегда остаётся самый дикий вариант: самому побыть в роли храма и позвать кого-нибудь помолиться на территории себя. Типа я Робинзон, ты Пятница, давай молиться вместе, а я тебя за это на свободу отпущу. Это стрёмно и, что хуже, смешно, но быть верующим вообще не печально.

В общем, что угодно, лишь бы не в берлоге лапу сосать. Во всяком случае, делать какие-то выползки из берлоги. Экспериментировать. Как Джордано Бруно. Ну, если запахнет жареным, тогда, конечно, ой. Но кто предупреждён, тот вооружён: лучше дважды, трижды, семижды пойти помолиться с другими людьми и пережить некоторый дискомфорт, чем комфортно молиться в одиночку. Конечно, святые монахи умели дискомфортно молиться в одиночку, но путь к этому высокому искусству лежит через дискомфорт братской — и сестринской — в общем, приходской, общинной жизни. Да и не так страшна Церковь, как её малюют, а вот религиозный аутизм — это религиозный аутизм.

1. СМЫСЛ

*«Верую во единого Бога Отца, Вседержителя,
Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым»*

Символ веры — текст с необычной судьбой. Вообще короткие словесные формулы, объясняющие своеобразие какой-то веры (или религии, в данном случае разница неважна) были, есть и будут всегда. Такие формулы возникают, когда нужно другому объяснить, в чём разница позиций. Понятно, что объяснения будут разные в зависимости от того, с кем говорить. Говоря с неверующим, можно ограничиться «а я верую». Неважно — в одного Бога, во многих, в нечто аморфное и т.п.

Если христианин говорит с иудеем, тут уже сложнее — сложнее именно потому, что у христианина и иудея больше общего, чем у них обоих и неверующего. Первые христиане ведь и были все иудеями, потом произошёл разрыв и появилось новое название. Но насколько различия велики, спор идёт до сих пор, как и споры о том, насколько критичны различия между католическим и православными Символами веры. Они отличаются буквально парой слов, а споров было на мегатонны.

Если нужно сравнить верования двух русских православных, один из которых старообрядец, а другой — «новообрядец», то Символ веры не поможет, он одинаковый у обеих сторон, придётся довольно много говорить именно об обрядах.

Символ веры «по умолчанию» — результат ожесточённых споров IV столетия. Он писался в несколько приёмов, принимался съездами верующих — не только епископов и священников. Эти съезды («соборы», «собрания») называются «вселенскими», хотя, конечно, жители Бетельгейзе в них не участвовали. К сожалению, тут проявилась некоторая ксенофобия, склонность считать людьми только себя и тех, кто тебе близок. А кто за пределами твоего понимания, те уже и не люди. Поэтому термин «вселенная», «экумена» — от слово «дом», «экос» — обозначало для жителей тогдашнего Средиземноморья нормальный, человеческий мир, за пределами которого обитают всякие опасные варвары-дикари.

Во «вселенских соборах» — «средиземноморских съездах» — участвовали даже представители не всех христианских общин (а в IV веке христиане жили уже и в Индии, и в Китае). В основном там были обитатели нынешних Греции, Турции, Сирии, Египта. Из Италии, тем более, из Испании в столицу — Константинополь, современный Стамбул — было дольше добираться, чем добирались космонавты до Луны. Космонавтам в 1966 году понадобилось столько же, сколько Христу, чтобы из царства смерти вернуться в царство живых, а сейчас до Луны можно долететь за полдня.

Символ веры, документ компромиссный (например, в нём не решились назвать Духа Святого Богом), документ не мистический, а богословский, но он превратился в молитву. Сперва его читали вслух за богослужением, чтобы противопоставить себя тем, у кого был другой символ веры, но с тех пор, как Символ веры включили в состав утренних молитв (а это произошло сравнительно недавно), он постепенно стал молитвой. Молитвой-напоминанием, молитвой-проверкой, молитвой-ориентиром. Молитвой личной, но в то же время молитвой, объединяющей с другими, кто читает Символ или кто верует «по Символу». Молитвой, обращённой к Богу? Да, словно пароль, но это и молитва, обращённая к себе. Человек ведь не из цельного куска мрамора сделан (во всяком случае, нормальный человек). В каждом верующем есть и неверующий, и хорошо, если только неверующий, а то может и циник где-нибудь застрять.

Слово «верую», с которого начинается Символ веры, на латыни звучит как «кредо». Отсюда и «кредит». Речь идёт о доверии, но всё же не только о доверии. Совершенно не случайно при переводе Символа веры на русский язык с церковнославянского не заменяют «верую» на «верю». Различие есть, и такие же различия есть между многими «религиозными» словами и их «обычными» аналогами, из которых религиозные термины и выросли. Это различие отражает разный опыт, разные ситуации. Человек человеку доверяет, человек человеку верит, а вот Богу — и доверяет, конечно, но прежде всего верует в Него.

Вера начинается там, где заканчивается доверие. Доверие всегда на чём-то основано, прежде всего, на том, что другой человек — которому мы доверяем — он именно человек, мы его понимаем, мы его проверяли. Бог — не понятен, проверить Бога — не проверишь, во всяком случае, в главном, которое впереди. И в то же время Бог подкрепляет нашу веру не какими-то авансами или обещаниями, как это делают люди, даже не поведением, а Самим Собой. Своим присутствием. Вера и есть отклик на это присутствие. Отклик — не обязательно ощущение, хотя какие-то ощущения сопровождают веру, как чувства сопровождают любовь, хотя сама любовь это не чувство, а нечто бесконечно большее.

Как нельзя полюбить по приказу, так нельзя веровать по воле другого человека, по традиции, потому что «так принято». В то же время веровать в пустоте, противопоставлять веру религии как объединению верующих, считать, что вера несовместима со словами, не нуждается в текстах, в общении, означает не понимать природы — нет, не веры, а природы человека. Человек есть чудо: животное, которое стало кем-то большим, чем животное. Человечество не есть большое стадо, оно имеет какое-то новое качество, и это качество — общение. Вера человека выражается в том, что составляет суть человека — способность общаться с другим. Говорить даже о самом интимном. Отсюда и «догматы», и «символы», и множество книг о вере и религии, отсюда сама Библия, а кроме текстов — устное общение с верующими, подобными себе, старше себя или младше. Возможны здесь ошибки, возможно здесь поддаться очарованию какого-то проповедника? Конечно, но кто не рискует, тот не только не пьёт шампанского. Тот и не творит, и не любит, и не верует. Вера это общение и жизнь, как «догматы» веры это не химические формулы, а способ создать пространство для понимания и развития веры и религии. Да, религия постоянно развивается, поэтому и религий много. Это не означает, что все религии ошибочны, это означает, что жить с Богом — это жизнь, сложный процесс для человечества и ещё более сложный для каждого отдельного человека. Потому что че-

ловечество вторично по отношению к человеку как человек вторичен по отношению к Богу.

Да, человек вторичен по отношению к Богу. Это хорошая новость! Вера в Бога как Отца и Творца — это не обесценивание человека, а обретение смысла человечности. С первых же слов Символ веры построен на сравнениях. Вера в Бога сравнивается с доверием к человеку, Бог сравнивается с отцом, с царём, с творцом («вседержитель» — это одно из наименований царя). С творцом в самом приземлённом смысле слова — с гончаром, который взял кусок глины и вылепил человека. Это сравнение родилось уже в древнем Египте. Но сравнение, аналогия — всегда неполная, и уже египтяне дополнили: Бог — Творец, Который вложил собственную душу в того, кого вылепил. Человек дышит дыханием Бога. Конечно, тот, кто сочинил это сравнение, понимал, что физическое дыхание к Богу отношения не имеет.

Сравнение Бога с гончаром (отцом, хозяином, царём) поэтическое, но очень точное в одном отношении — оно передаёт соотношение человека и Бога. Можно веровать в Бога, можно не веровать, Бог всё равно присутствует в человеке. Это не означает, что Бог заключён в человеке как заключённый, что Бог в нашей власти. Прямо наоборот: человек есть постольку, поскольку есть Бог в человеке. Бог во мне, следовательно, я существую. Бог покидает меня — и я умираю. Бог возвращается — я воскресаю.

Сравнений в религиозном языке много. Это понятно: Бог невидим, поэтому никаких слов, прямо описывающих Бога, быть не может. Только сравнения. Но сравнения бывают удачные, бывают неудачные. Некоторые удачные сравнение переживают целые эпохи. Царей уже нет (почти нет), а Бога сравнивают с царём, а не с президентом, потому что Бога не выбирают. Отец в патриархальном обществе совсем не то, что отец в современном обществе, а сравнение живо, только надо понимать, что Бог отец не в противоположность матери (кстати, Дух Святой в еврейской языке — женского рода, как в русском, скажем, «атмосфера»), не отец как домашний диктатор, Бог отец как любящий отец. Таких идеальных отцов (и

матерей) и среди людей-то не все, так вот сравнивают с лучшими, а не с худшими.

Бог — творец не только человека, но и всего — именно об этом говорит библейский оборот «неба и земли», «видимого и невидимого». Современному человеку понятнее как раз последний оборот, для нас «земля» — это Земля, одно из многих небесных тел, а «небо» всего лишь оптическая иллюзия. Конечно, можно подновить символ, написать «всего», но это не решит всех проблем. Главный вопрос останется: пропасть между Творцом и творением — нами, космосом, кем и чем угодно непреодолима по определению. Как же она преодолевается?

Развитие веры шло одновременно в двух противоположных направлениях: пропасть между Богом и миром (космосом, людьми) оказывалась глубже, чем казалось сперва, но возможность преодоления пропасти оказывалась больше, а не меньше.

Пропасть между Богом и творением отличает веру Символа от веры в то, что Бог это нечто или некто, пропитывающее, присутствующее всюду как свет или воздух, или что даже «бог» это особое свойство всего существующего. Всё «Бог», надо только научиться «ощущать», «созерцать». Такая религия в Библии называется очень общим словом «язычество», то есть — «варварство», «вера других народов». Многобожие это частный случай такой веры, в котором «божественное» оказывается своеобразным параллельным пространством. Видимо, изначально такова вера любого народа, всех людей. Бог стучится к людям, и этот стук принимают за Бога, и его отголоски принимают за богов, и отвечают не Богу, а отголоскам. В Библии сохранились следы такого «многобожия», и «единственный» Библии — это не заново сочинённый Бог, а использование старых имён для обозначения нового опыта, встречи с Единственным («единый» — это именно «единственный», а не «соединённые вместе несколько»).

Единственность, уникальность Бога, Его «отдельность» — это нечто, очень тяжёлое для понимания и для жизни. Не случайно вновь и вновь человек сворачивает к идолопоклон-

ству — выбирает что-то или кого-то в качестве «воплощения» Бога. Нет, Бог не «воплощается». Не может. Не должен. Язычество описывало богов как особый народ со своими страстями, обычаями, культурой. Библия — прощание с такой верой, и прощание заняло несколько веков, стоило огромных усилий. Бог — Единственный, пропасть между Ним и нами — непреодолима.

Пока это не усвоено, невозможно оценить того, что произошло с появлением Иисуса. Совершается невозможное. До и после было множество фальшивок. А как им не быть, если Богу нормально переступить пропасть, нормально быть и тут, и там, и в одном облике, и в другом, и в сердце человека, и в одуванчике. Нет, ненормально, невозможно. Бог не может быть человеком или даже полубогом, Он вообще не может быть внутри творения, потому что не может быть никогда.

Вера показывает на пропасть между творением и Творцом, Единственным, и говорит, что эта пропасть глубже, чем кажется. Но вера так поступает, потому что она слышит Творца. Пропасть так же реальна, как Откровение Бога. Бог — Америка, которая открывает себя сама, но остаётся недосягаемой и далёкой.

Поскольку между творением и Творцом пропасть, постольку никаких доказательств существования Бога быть не может. Бог не оставляет следов — не потому, что Он их стирает. Просто не оставляет. Тем не менее, с древности известно два — не доказательства, а намёка на то, что Бог есть или хотя бы возможен. Первый намёк — «от природы». Если мир таков, каков он есть, то должен быть Создатель мира. Станным образом, и красота («космос» на греческом означает «красивый»), и уродства, зло в мире одинаково могут напоминать верующему о реальности Бога. Неверующему это кажется абсолютно неубедительным. «Красота», «добро», «зло», для неверующего понятия, имеющие смысл только в восприятии человеком мира и других людей. Верующему нужно смириться с тем, что смысл — настоящий, абсолютный, вечный, не от людей зависящий и не людьми изготавливаемый смысл — это не доказательство существования Бога, а следствие веры в Бога. Эхо найденного смысла. Жаль, что не доказательство, но замечательно что это эхо звучит и вдохновляет.

Бога можно сравнить с аутистом. Аутизм явление очень разнообразное, Бог похож на самого аутичного аутиста, абсолютного, до которого нельзя достучаться, с которым не выстроить разговора, нету общих тем, ни-че-го. Он слишком иной. В нём есть жизнь, но настолько непохожая на нашу, что контакт не получается.

Только всё прямо наоборот. Не Бог аутист, это мы аутисты — по отношению к Богу. Мы замкнуты в своём мире — а этот мирок очень и очень пустой, бессмысленный настолько, насколько он замкнут от Бога. Не мы не можем докричаться до Бога — Бог не может докричаться до нас. Между нами есть сходство, человек подобие Бога. Сходство теоретически должно помогать общению, а практически — мешает. Каждый считает, что нет иного бога, кроме себя, любимого, ну и кто у меня на подпевках.

В Библии эта странная ситуация выражена сравнением Бога с крестьянином. Крестьянин позовёт — вол отзовется, осёл прицокает поесть, чего дадут, а Бог позовёт — нам плевать, мы не узнаём Того, без Кого мы — животные. Понятно, Бог зовёт не для того, чтобы корму насыпать, но мы же не ослы, чтобы только на еду реагировать. Хорошо или плохо, что Бог не погонщик ослов и что люди не реагируют на Бога как подсолнухи на Солнце?

Есть два мира — видимый и невидимый. «Видимый» — это и невидимые волны с частицами (собственно, всё видимое есть производное от такого невидимого, говорит наука), и ангелы, кем бы они ни были. Невидимый же мир — это мир смысла. Мир любви. Мир добра. Этот невидимый мир даёт человеку возможность жить в мире видимом. Тут и главное разделение между верующими и неверующими, и главная площадка для встречи, потому что и для неверующего смыслы есть, пусть он и не придаёт им абсолютно-го значения. Любит и неверующий. Это обеспечивает свободу веры — можно жить не веруя, можно жить праведно, свято, более того — по-человечески, не веруя. Вера хороша одним — Богом. Тем, перед Кем можно и нужно иногда замереть в восторге и молитве, а иногда Тем, от Кого ты по-

сылаешься в дальнюю и не очень приятную дорогу, но в любом случае Бог всегда будет с тобой. Дело за малым — всегда быть с Ним.

2. ЛЮБОВЬ

*«И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия,
Единородного, Иже от Отца рожденного
прежде всех век, Света от Света,
Бога истинна от Бога истинна,
рожденна, несотворенна,
единосуцна Отцу,
Имже вся быша».*

Вторая часть Символа веры (деление на части появилось очень поздно и оказалось неплохим подспорьем проповедникам) говорит о том, что у Бога есть Сын, да ещё «рождённый прежде всех веков».

В Символе нет слова «Троица», но описывается именно Троица, и проблема не в том, что «троица», а в том, что «троица» — «единица». Сын и Дух — тот же самый Бог. Не три описания одного Бога, не три измерения одного Бога, а один Бог.

На самом деле, ухо должно бы резать словечко «рождённый». Роды это уж очень из нашего мира, земноводно-млекопитающего. Если Бог по ту сторону материи, то какие уж тут роды? Это ведь не о рождении Иисуса в Вифлееме речь идёт, а «прежде всех веков».

Если это сравнения, как всё, что может быть сказано о Боге, то с чем сравнение?

С любовью, конечно.

Тут современного человека подстерегает та засада, что любовь отменили.

Со стороны естественных, очень точных наук любовь отменена биологами. Есть лишь стремление к образованию пар ради эмоционального покоя и/или размножения. Все разговоры о чём-то более высоком просто самообман, способ, которым эволюция манипулирует животными.

Со стороны гуманитарных наук любовь отменена историками и социологами. Есть лишь разнообразные, меняющиеся от поколения к поколению формы человеческих контактов. «Романтическая любовь», «вечная любовь», «шекспировские страсти», — это всё культурные явления, не имеющие между собой ничего общего кроме того, что в них участвуют люди. Впрочем, зачем обижать животных? Любовь это условное название очень разных видов контактов белковых тел. Желток может не беспокоиться.

«Бог есть любовь» в наше время приобрело особый смысл. Было: «Бог есть любовь, подобная нашей, но бесконечно более сильная». Стало: «Бог есть любовь, не имеющая отношения к тому, что называется любовью у людей». Бог как Творец всё-таки сравнение, основанное на том, что и люди творят. Но Бог как Любовь — не сравнение, потому что люди не любят, а только воображают, что любят.

Только это неправда. Это выдают нежеланное за недействительное. Не желают, чтобы любовь висела над головой как дамоклов меч.

Вот где странные слова «прежде всех веков» оказываются ключом к шифровке.

Бог как Сын, Бог как Любовь — вовсе не сравнение. Это мы, люди, сравнение. Сказать, что Бог есть Любовь, не означает уподобить Бога человеку, а означает верить, что человек подобен Богу.

«Прежде всех веков» всего лишь повторяет мысль о Боге как Творце. Поэт не стихотворение. Творец вне творения. Художник не часть картины. Бог «запредельный» в каком-то ужасно точном смысле. Мы-то, когда говорим «за пределами», обычно подразумеваем, что есть некий «предел», «граница», а за этой границей идёт ещё что-то, и так до следующей границы. Вот время, вот начало времени, а вот время до начала — и Бог в этом времени, доначальном.

Бог «за пределами» абсолютно. Он создаёт и время, и пространство, и пределы, и беспредельность, и физиков, и мир, который изучают физики, и лириков. Только любовь, которую описывают лирики, Бог не создаёт. Он она и есть.

Вот и ответ, как может один равняться трём. Это арифметика любви. Любви никто не нужен не потому, что любовь эгоистична, а потому что любовь не монолитна, любовь это единство любящих. Единство, но не тоталитаризм, не слипшийся комок слизи, не коктейль. Союз любви. Каждый полноценен, но все едины.

Это всего лишь сравнение, но зато какое сравнение — единственное в своём роде. Сравнение нашей любви, любви-отражения, любви-образа, любви-подобия с Любовью Как Таковой. Когда мы называем Бога Царём, это «антропоморфизм», уподобление Бога человека. Когда мы называем Бога Любовью, Единством в Множественности, это «теоморфизм», уподобление человечества Богу.

Когда мы говорим «мы», мы имеем в виду, что «я» не существует как полноценное существо? Скорее уж, мы сочтём «мы» не существующим, мы назовём человечество одним большим «я», лишь бы моё «я» не растворилось. Вот почему «мы» — всего лишь подобие. Человек может и раствориться, и потерять индивидуальность, и разлюбить, и издеваться над любимым, и ссориться с любимой, и изменять, и вообще «любовь» это не человек, а нечто, что делается с человеком или что человек делает. Бог же и есть Любовь.

Вот почему Бог не есть «начало». Бог просто есть. За пределами «ныне, и всегда, и во веки». Бог — не первая причина, не начало причинно-следственной цепочки. Он просто Бог. Не следствие и не причина. Он не создан. Всё это так потому, что Бог — Любовь. Любовь нельзя создать или сотворить, иначе это не любовь. По определению. Всё, что можно создать, всё, что имеет причину, — не любовь. А Бог — Любовь, без причины, без следствий, без измерений метрами, килограммами, минутами. Бог даже не «вечная любовь». «Вечная» — это всё-таки соотносится с «временем», а Любовь ни с чем не соотносится. Она сама по себе.

Всё, что мы можем сказать о Боге как Любви основано на нашем опыте себя и Бога. Этот опыт невелик, но мал золотник, да дорог, драгоценнее ничего нет. Мы по себе знаем, что любовь есть единство, но единство, а не слияние. Вот вам

и «неслиянно-нераздельно». Любовь целует — вот вам и Дух Святой. Любовь рождает — вот вам и «рождённого от Отца».

Только все наши поцелуи, неслиянности и нераздельности, рождения и роды, — подобие тех, что есть Бог-Любовь. Бог есть Любовь, но любовь не есть Бог, и это может вызвать зависть. Тут и происходит то, что принято называть грехопадением. Хочется не любить как Бог, а просто быть Богом-Любовью.

Желание вполне понятное, абсолютно естественное, винить за него никак нельзя. Вопрос не в цели, вопрос в средствах. Средство же — обособление.

Обычно противостояние веры, основанной на библейском откровении, и науки сводят к вопросу о том, как появился человек — в результате эволюции или в результате Божьего творчества. Латинский глагол «творить» стал корнем слова «креационизм». Креационизм чрезвычайно разнообразен, начиная от буквализма, когда текст Библии понимается буквально, то есть, понимается просто неверно, до креационизма таких великих биологов — профессиональных биологов — как палеонтологов и священник-иезуит Пьер Тейяр де Шарден или основатель генетики аббат Грегор Мендель.

Вопрос, однако, не в том, как появился человек, а что такого особенного в человеке. Есть ли оно вообще или «человек» качественно ничем не отличается от других приматов? Сегодня вера в Бога означает и веру в человека — в то, что в человеке есть нечто уникальное, несводимое к материальному, телесному, психологическому. Что человек не есть животное было предметом знания, а стало предметом веры, и спор идёт, конечно, всё о той же любви. Любовь человеческая — та же, что у животных, или другая? Производное от его биологии, от своеобразия его мозга или, наоборот, любовь есть то в человеке, что делает его своеобразным, преображает его мозг, сердце, печень, желчный пузырь, пенис, вагину и прочая, и прочая?

Доказать, что любовь человеческая уникальна, невозможно в принципе. Речь идёт о принципе свободы. Доказательство отменяет свободу. Поэтому нельзя доказать, что есть Бог. Поэтому нельзя доказать, что я люблю. Можно только любить,

а «доказательства любви» доказывают лишь, что налицо влюблённость либо любовная игра.

Технически человек — как и большинство живых организмов — существо двойного назначения. Точнее, чем более сложен организм, чем выше он в эволюционном отношении, тем больше функций у его органов. Эволюция не часто изобретает новые органы для новых функций, обычно она экономит, нагружает старые органы дополнительными функциями. Плавательный пузырь превращается в лёгкие. Рот не только ест, но и говорит. Органы для выведения остатков еды и питья принимают на себя и функцию размножения. Если любовь как нечто особое от функций сочувствия, эмпатии, размножения и т.п. существует, то вряд ли для этой любви существует особый орган. Более того, чем более сложна функция организма, тем более частей организма вовлечены в исполнение этой функции. Ходить можно машинально, но играть в шахматы машинально не получится, нужно «собраться». Чтобы размножаться, не обязательно даже симпатию испытывать, детей иметь, кому ума не доставало! Чтобы любить — требуется весь человек, собирание воедино всех органов, чувств, способностей.

Здесь и обнаруживается, что эволюция биологическая и творение человека Богом вообще не совпадают. Бог не пастух, который пасёт эволюционное стадо, не бильярдист, который ударом кия посылает аминокислоты к вершинам эволюции. Бог, скорее, как вирус, который устраивается в эволюционирующих организмах и потихоньку создаёт внутри естественного развития нечто настолько сверхъестественное, что даже и противоестественное — любовь.

Эволюция стоит на случайных изменениях, наследственности и конкурентном отборе. Все три фактора резко противоречат любви, которая составляет суть человека и его подобие Богу.

Любовь абсолютно не случайна, более того — она есть победа над случайностью.

Любовь не наследуется, более того — она может вообще быть бездетной, она может даже и не знать секса, не иметь

любимого или любимую.

Любовь не конкурирует, любовь не приспособливается, любовь даже не меняет среду под себя, во всяком случае, это для неё не обязательно.

Рассказ Библии о грехопадении есть рассказ о любви, сошедшей с орбиты. Конечно, это не репортаж с места события, это описание того, что происходит и сейчас с каждым человеком, который имеет опыт любви. Короткое замыкание любви. Любовь, которая решила идти путём обособления — не только от Бога, но и от других людей, включая своих детей, да включая даже и любимого человека, мужчину или женщину. Вывернутая наизнанку любовь.

Можно ли указать точку в истории человечества, когда любовь так извратилась? Конечно, можно — после того, когда мы найдём точку, когда любовь появилась, когда человеческое в человеке появилось. Ясно и то, что такой точки мы не можем найти в принципе. Мы даже каждый в себе не можем указать эту точку. Тут не может быть «недостающего звена», потому что любовь не золотая цепь, а Большой Взрыв, появление творения, вселенной, космоса в одном человеке. Большой Взрыв — и за ним большие проблемы, потому что человек пытается новый космос использовать как обезьяна, под себя. Обезьяне такое нормально, а для человека — подобие Бога — это и ненормально, и невозможно. В результате полёт превращается в довольно тряскую езду, а то и просто в падение ниже нижнего предела.

Вера это видит, но вера это видит после того, как видит Бога, и потому не унывает. В конце концов, рассказ Библии об Адаме и Еве, используя все традиционные элементы древних мифов о поиске бессмертия, решительно перекомбинирует, так что смысл выходит другой. Адам с Евой не ищут бессмертия, они его изначально имеют. Это не «золотой век», как его обычно описывали — их «всего» двое, а не деревня в райской долине. Но эти двое — «одно», как Троица — одно. Это «одно» — как точка в математике, у которой нет протяжённости и глубины, но которая является источником всякой глубины, высоты и длины.

Срыв Адама и Евы — это результат любви, точнее, результат свободы, без которой любовь не любовь. Мы не знаем — возможно, в каких-то других мирах живут любящие, не сорвавшиеся, эта мысль всегда волновала человеческое воображение. Но на самом деле, знание о том, что любовь не есть только сияние и полёт, не разрушает. Свобода — не причина катастрофы, свобода причина любви. У катастрофы вообще нет причины.

Зло беспричинно. Существование мира и человека имеет причину — это любовь Божия. Бог мог бы не творить ничего, Он всё равно был бы Любовью, Он бы любил не Себя, Он был бы — как и есть — любовью троих в единстве Бога. Любовь, однако, выходит за собственные пределы и творит нечто абсолютно непохожее на себя, мир, и творит человека, который и похож на Бога, и не похож. Человек может не оставлять любви, может любить Бога как самого себя и может не любить себя как Бога. У кирпичика или собачки такой способности нет, а у человека есть, это и делает его штучным явлением. Но «может» означает и «а может и нет». Может и закортить, но конец ли это? Да, конец, рано или поздно, и даже «поздно» это слишком рано. Конец, суть которого та же, то и начало — бессодержательность, пустота, дыра, сопротивление ради сопротивления. Про конец все люди знают. А про то, что конец — не тупик, люди не знают, люди — веруют. Или не веруют. Если не веруют, то любовь, бессмертие, человечества превращаются в символы. Если веруют, то символ веры становится реальностью, которая приглашает в себя и вместе с человеком проходит путь до конца и дальше.

3. СОГЛАСИЕ

*«Нас ради человек и нашего ради спасения
сшедшаго с небес, и воплотившагося
от Духа Свята и Марии Девы,
и вочеловечившася».*

Символ веры, который в первой фразе подчёркивает, что Иисус не сотворён, а рождён, в третьей говорит об Иисусе «воплотился», «сошёл с небес», даже кошмарное «вочеловечился», но не «родился».

Противопоставление рождения и творения родилось за полтысячелетия до Иисуса, во всяком случае, у Платона оно уже есть и играет очень важную роль. Самое, возможно, важное различие рождения и творения: глина не соглашается быть или не быть горшком, а человек согласен быть. Это аксиома, которой сегодня противостоит другая аксиома: «Я не просил меня рожать!»

В древности люди прекрасно понимали, что никто не даёт согласие рожаться, но они полагали, что быть лучше, чем не быть. Согласие быть, счастье быть, быть это хорошо, красиво, нормально.

На Иисусе эта аксиома не срабатывает. Вся Его жизнь — мука мученическая. Если, конечно, Он сын Божий буквально, если Он Бог, Который не может и не должен быть человеком. Бог вообще не должен «быть», Бог выше «быть», Бог — Тот, кто даёт быть другим, а Сам выше даже противопоставления «быть/не быть». «Выйти в люди» только для людей хорошо, а для Бога наказание.

Богословы писали диалоги между Отцом и Сыном, когда Отец посылает Сына к людям, спрашивая Его, Сына, согласие. Конечно, это всего лишь сравнение Бога с человеком. Человек может и должен соглашаться с другим человеком, может и не соглашаться. Если Бог внутри себя таит хотя бы возможность несогласия, то это уже не Бог — во всяком случае, не Бог Авраама, Златоуста и Меня, не единая Троица Отца, Сына и Святого Духа.

Человек — подобие Божие. Всего лишь подобие! Во всём —

от любви до любви — человеку нужно подыматься от подобия Богу к Богу. От произнесения слов — к тому, чтобы стать словом. Прекрасный, базовый, эталонный образец искажённости образа Божия в человеке — это согласие, как люди его понимают. Согласие — что-то разовое, однократное. Согласен ли взять в жёны... Согласен — теперь можешь ею командовать, за непослушание бить.

Согласие на самом деле — суть жизни. Заметим, что слово «договор» построено ровно из тех же элементов, что и «согласие». Приставка, обозначающая сближение, и корень, связанный с произнесением слов, с речью». Таких слов очень много, самое красивое, пожалуй, «симфония» («фоно» — это же по-гречески именно «голос», «звучание»).

Согласие есть не средство, а цель и содержание жизни, бытия. Бытие ведь не есть монолог Гамлета. Быть или не быть не от человека зависит, как быть или не быть мужем или женой не от одного зависит, а от двоих. Даже мыслить не от человека зависит, а от того, есть ли у него, чем мыслить и о чём мыслить. Другой (другое) существует, следовательно, я могу мыслить. То есть, говоря строго, «если Бог есть, то я существую». Бог создаёт мир, в котором я могу соглашаться или не соглашаться с другими, включая Бога, в которой я могу мыслить, произносить монологи, участвовать в диалогах. Даже ад, даже небытие лишь кажется пустотой — а на самом деле, и там человек не одинок, и там созвучен с кем-то, хочет этого или нет, и ужас ада и небытия в согласии невольном, в согласии с тем или чем, с чем и не хотелось бы соглашаться, а вот приходится.

Иное дело Бог. Он — согласие как таковое. Согласие полное, живое, напряжённое, самодостаточное, но постоянно творящее других и призывающее их, совсем иных, к участию в согласии.

Согласие есть любовь в действии. Человек слишком легко думает, что любит, пусть даже его все ненавидят и он всех ненавидит и от всех отчуждён, ни с кем и ни с Кем не согласен. Вот почему нужно говорить о согласии, а не только о любви. «Я тебя люблю» скажет и тот, кто никогда не скажет «я с тобой согласен», кто не будет участвовать в согласовании, в разговоре,

в диалоге. Любовь превращается в эгоистический самообман.

Рассказ о грехопадении выражает две базовые правды о человеке.

Человек знает, что может жить в согласии с другими, с миром, с Богом.

Человек знает и то, что извращает согласие, превращает его в инструмент разделения, даже в орудие убийства. Так происходит, потому что человек в какое-то мгновение пытается облегчить себе труд согласия, свести его к договору, к разграничению сфер влияния, получить согласие другого на расставание. Потом, задним числом, это расставание называют падением, изгнанием из рая, вздыхают об упущенных возможностях, но совершенно не стремятся эти возможности вернуть, а просто пытаются воспроизвести рай, «быть как боги», не соглашаясь по-настоящему ни с кем, кроме себя.

Согласие подменяется подчинением. Вместо разговора — приказ и исполнение приказа. Это и называется «власть развращает». Нотка приказания превращает общение в изнасилование. Двустороннее превращается в одностороннее, мир становится плоским как бумага, на которой напечатано распоряжение по стране, по дому, по работе. При этом все помнят, что настоящая жизнь есть нечто другое, не совсем такая, какая есть, все томятся и мучаются, но продолжают лезть наверх, чтобы вымогать согласие у других. Кто-то добивается успеха в том, чтобы забраться на самый верх, но получает всё равно не согласие, а подчинение.

Не может быть согласия там, где один командует, другой исполняет. Нельзя исполнить симфонию Моцарта на двух барабанах, даже если один большой, а второй маленький. Общение превращается в кошмарный сон: человеку снится, что он набивает карманы золотыми монетами, а просыпается — кровать засыпана пожухлыми листьями. Да и не кровать это, а гроб в могилке... Человечество в футляре.

Вот чем Библия отличается от Гомера. Гомер — о раздоре, о вечной войне всех против всех и о том, как в этой войне выжить. Библия о вечной войне всех против всех и о том, как эту войну прекратить.

Для определённого типа историков и читателей Библия, и Гомер это куча выдумок и легенд, которые не соответствуют реальности и не помогают понять, какие существовали народы, государства, какие были битвы, как развивалась экономика, кто куда переселялся, кто кого завоёвывал. Гомер и Моисей одинаково мешают превратить прошлое в газету «Уолл-стрит геральд».

Для литературоведа Моисей и Гомер это интересная литература, так же достойная изучения как сказки индейцев Амазонки и так же не имеющие отношения к их, литературоведов, собственной жизни. Разве что самое маленькое, как некие сперматозоиды и яйцеклетки цивилизации. В микроскоп разглядывать интересно, но не вешать же фотографию яйцеклетки на стену среди семейных фотографий. Слишком давно и примитивно.

Правда, и к литературоведу, и к историку, и к их читателям то и дело вваливается в жизнь очередной Гектор, и многовесельные корабли сгрудились во входной двери, мешая друг другу всплыть. И выплыть! Гектор и Троя внутрь нас есть точно так же, как 30 веков назад. Рабство египетское, тяга быть фараоном или под фараоном, покорять, властвовать, пасти овец своих и чужих, а особенно сыновьями и дочерьми распорядиться, а жена на кухне вовремя чтобы всё готовила для праздничного пира с друзьями.

Сколько уже раз объявляли конец и финиш. Приплыли, построили мир, в котором можно жить в согласии друг с другом, в согласии, которое похоже на тихий летний вечер в концлагере, где каждый на своей шконке отдыхает, никто ни к кому в душу не лезет. Или просто многоквартирный дом, все двери заперты, никто не скандалит, не буянит, каждый смотрит своё кино.

Только вот не получается. Даже если не случится беды, случится тоска смертная. Скучно, и сорок тысяч психотерапевтов не помогают, и миллион долларов на счету не помогает. Согласие есть, и симфонии нет. Симфония через власть, через подчинение — испробовали, очень и очень опасный путь. А через что ещё?

Вот здесь Библия, те самые легенды и мифы древнего Израиля, оказывается книгой совсем другого уровня, чем «Илиада» с «Одиссеей». Гомер хорош для строительства империй, а Моисей это о другом. Не о распаде империй, не о безнравственности и безответственности империй (хотя и об этом тоже), а о том, как человек путешествует от рабства к свободе и от свободы к согласию. Это не два разных пути, это не два параллельных пути, это один и тот же путь, почему и можно быть рабом и быть в согласии, а можно быть рабовладельцем — и тоже быть в согласии, но можно и не быть. Это путь, потому что согласие оказывается не тем, что должен делать человек, а тем, что делает человека.

История спасения это история превращения гусеницы в бабочку, а не история спасения гусеницы, чтобы она всегда была бабочкой, не чтобы всегда был Авраам, патриархальное общество, и бабы всё скачут и скачут и мужики горят и горят.

Библия — Откровение не об Аврааме, Исааке и Иакове, хотя о них Библия говорит очень откровенно и этим вызывает у вдумчивого читателя оторопь. Они что, совсем дикие? Обманывают, убивают, насилуют, ревнуют, рабами владеют, женщин угнетают, колдуний разыскивают и убивают, даже за супружескую измену могут камнями побить, если будет достаточно свидетелей. Граждане, кто будет свидетель?! Записывайтесь! Не хотим мы быть свидетелями такого безобразия.

Библия — Откровение о том, что Авраам, Исаак, Иаков, Моисей, Давид, Соломон, далее везде — да, совсем дикие, но и Бог им не уступит в смысле необуздываемости, а по части одомашнивания даже и превосходит. Капля за каплей, анекдот за анекдотом, драма за драмой, то тут, то там согласие просачивается в мир. Согласие людей быть в мире друг с другом и Богом.

Согласие зачаточное, мечущееся из стороны в сторону как сперматозоид и недолговечное как яйцеклетка. Но всё же именно согласие — а не победа, как у Гомера. Божественная разница! Вот почему разумно вчитываться в Библию — кто увидит в ней присутствующий там рост человечности, поверх всех барьеров, тот научится и в своей жизни, в современ-

ной цивилизации видеть Бога, видеть неустанный труд Бога по возвращению согласия, от «договора» как примитивного морковки за лояльность, до симфонии, в которой и сам Моцарт лишь один из миллиардов.

От договора как «земля верующим в обмен на хорошо прожаренный стейк Богу» до договора как шёпотов и криков, исповедальной прозы и любовной поэзии, от записочек в щели стены, отгроханной Иродом, до слова в Боге, Богу, человеку, человечеству.

От договора как умения подписаться до договора как умения слушать и слышать, говорить и быть услышанным.

Тогда и десять заповедей из не очень понятного набора прошлостей становятся тем, чем они и являются — программой общения, философией согласия, богословием гармонии. Не содержанием общения, а условиями общения. Камертоном, который задаёт тональность — и эта тональность есть свобода, человечность, доверие и любовь, старт и финиш, альфа и омега, форма и содержание, а ещё немного просто согласие на счастье быть человеком, бесконечно живущим в общительном согласии с другими людьми и с Богом.

4. ВЕРНОСТЬ

*«Распятого же за ны при Понтийстем Пилате,
и страдавши, и погребенна».*

Четвёртая часть Символа веры говорит о мучительной смерти и о погребении Иисуса «при Понтии Пилате».

Слава Герострата упала на Пилата, который вообще-то ни единого гвоздика в Иисуса не вбивал, ни единой копейки Иуде не платил. Человек просто исправно выполнял свои должностные обязанности: поддерживал равновесие между оккупационной властью и местной элитой. Элите захотелось распять, сделать всё официально, а не просто пырнуть кинжалом или побить камнями, списав всё на «толпу». Пилат согласился.

Благодаря таким вот компромиссам Римская империя эко-

номила ресурсы, выкачивала при помощи нацэлиты деньги из Палестины (кое-что и лично пилатам перепало, конечно). Потом клапан сорвало, бунт, римские легионы устраивают зачистку, благо денег накоплено немерено, Обетованную Землю зачищают от тех, кому обетована, и начинается расцвет Палестины. Абсолютное большинство античных памятников Израила относятся к эпохе много позже жизни Иисуса. Экономическое чудо, конец которому положила только экологическая катастрофа VI столетия.

Юлий Цезарь, когда его спрашивали, почему он разводится с красивой, умной, доброй женой, выставлял вперёд ногу и говорил: «Сандалет красивый? Красивый! Знаешь, где в нём гвоздь, который мне в ногу впивается?»

Цезарь развёлся. Кстати, он усыновил своего преемника — того Цезаря, который Август. Двое их жило в одно время — принц и нищий, Август и Иисус, один усыновлённый сын земного владыки, другой не усыновлённый, а родной Сын Владыки небесного. Своей смертью умер неродной, воскрес — родной.

Совместить первое и второе оказалось решительно невозможно. Тут Символ веры спорит с интуитивным желанием, чтобы всё было хорошо. Чтобы никто не умирал, никаких мучений. На кресте умер кто-то другой. Или просто уже чужой труп повесили. Или Иисуса напоили снотворным, дали повисеть и сняли. В общем, не надо смерти, даже если это будет означать отсутствие воскресения. Живи вечно, правь нами, учи нас, терпеливо выращивай соратников, единомышленников, просвещай, возвращай.

Нет — смерть, да не просто смерть, а гибель, мучительная, несправедливая. Точнее, формально всё-таки как бы законная, а всё-таки нехорошая. Можно было бы обойтись или обойти.

Смерть Иисуса — тот гвоздь в удобном и красивом ботинке, который со стороны не видно, но который не даёт забыть о Себе. Память о том, что боль иногда — не зло, а защита от зла, даже спасение от зла. Боль, а не счастье и процветание.

Тут обнаруживается главная нестыковка Бога и человека.

Мы ищем друг Друга, но легче найти Бога, чем найти взаимопонимание с Богом. Мы соглашаемся с Богом, мы договариваемся с Богом, говорим Богу «да» — но понимаем ли мы, что такое «согласие», о чём «договор», и какое «нет» следует из нашего «да»?

* * *

Быть с Богом в согласии не означает уметь слышать Бога, согласовывать с ним каждый свой шаг, каждую свою мысль. Быть с Богом в согласии означает сознавать бездну между Богом и собой, более того — бездну между собой, какими мы есть, и собой, каковы мы в глазах Божиих.

Перед Богом мы все дети. Несовершеннолетние. С нами вообще невозможно нормально, полноценно разговаривать и договариваться. Ну какой договор может быть между взрослым и ребёнком, который всё меряет конфетами.

Примерно такой как между Богом и Авраамом. Авраам всё меряет потомством, словно динозавр, озабоченный исключительно вымиранием динозавров. Бог не спорит. Бог понимает Авраама: Авраам не динозавр, его не беспокоит нимало вымирание рода человеческого, его беспокоит исключительно собственная смерть. Другое дело, что это беспокойство он выражает как осётр или кролик, пытающийся размножиться с опережением.

Смешной наивный Авраам? Авраам это заря человечества, детство духа. Холодок бежит за ворот, овцы блеют, Исаак путается под ногами. Пастораль! Легенды и мифы древнего Израиля, Израиля не государства, а Израиля человека, Израиля Исаковича. Конечно, все эти рассказы о патриархах, вплоть до путешествия в египетское рабство и обратно, очень милы, но человек не может вечно быть ребёнком, для которого семья — весь мир.

«Настоящая» история начинается с государства. Более того, Библия как письменное Откровение — это продукт так называемого «осевого времени». Часто говорят, что это время пробуждения личного самосознания — Будда, Конфуций, Сократ. Но ещё вернее, что это время пробуждения государства. Левиафан просыпается одновременно с личностью, и личность не мыслит себя без Левиафана.

Что может быть хуже обожествления государства? Хуже обожествления государства только очеловечивание государства и огосударствление человека. Именно это мы и видим в исторической истории древнего Израиля, начинающейся не с Авраама и не с Моисея, а в лучшем случае с Давида, вообще и ещё позднее. «Государство это я», — не говорилось, но чувствовалось, и не надо изобретать машину времени, чтобы познакомиться с этим чувством, оно никуда не делось, хотя перестало быть наивным, здоровым и всеобщим.

История Израиля начинается с того, что Бог обещает Израилю государство — «землю». Так отец обещает сыну конфетку за хорошее поведение. И даёт — но конфеты обладают печальным свойством рассасываться. Государство тоже рассасывается, и вновь появляется, и вновь рассасывается. Конфету хочется навсегда, такую конфету, которая никогда бы не кончалась, конфету конфет, не тающую в жару и не хрупкую в мороз. Получаем же историю, в которой единственное, что не кончается — это верность Богу и верность Бога.

Государство — это гарантия бессмертия. «Нет, весь я не умру, душа в заветной лире»... А кто гарантирует, что лира Давида будет понятна вечно? Только государство, такое, чтобы обеспечивало территорию, язык, образование, культуру. Завет с Богом настолько заветен, насколько обеспечивает существование государства. Просто Авраам и его потомки — это ненадёжно. Много их было, Авраамов, которые бродили-бродили, пасли-пасли, кочевали-кочевали, молились-молились... И где они? А государство — вот оно!

Парадокс в том, что Бог заключает завет с народом, государство которого хилое, эфемерное. Даже если принять за чистую монету придворные восхваления в адрес Соломона, его царство по меркам того времени было далеко не самое выдающееся и уж точно не самое прочное. Египет — о да! Персия, Аккад, Китай, Индия, Греция — неописуемо! Государства, подобные царству Соломона, это не второй и не третий даже эшелон, это из разряда пузырей земли, политических бабблов, которые в изобилии появлялись и исчезали в самые разные времена.

Что же говорит Бог обитателям этого пузыря? Не бойтесь. Будьте собой. Не ложитесь ни под кого, это вас не спасёт. Положитесь на Меня.

Именно к этому сводятся пророчества пророков. Они не о будущем, на которое было жалко тратить дар предвидения. Они о том, что надо жить настоящим, а не геополитическими надеждами. Ты маленькая страна, зажата между западным гигантом и восточным гигантом, и не пытайся найти у одного людоеда защиту от другого. Будь собой, будь со Мной.

Это — о государстве? Это о тех, кто живёт в государстве. Это напоминание о том, что справедливость, любовь, человечность не производные от государства, его успехов, его размеров, даже от его существования. Они производные от отношений со смыслом человеческой жизни, а этот смысл — общение (общение, открытость, согласие, диалог, любовь) с Богом и людьми. Государственные границы — это стенки колыбели, обладающие неприятной тенденцией расти и укрепляться. Колыбель, соответственно, превращается в танк, а танк и подбить могут.

Оказывается, у согласия с Богом есть обратная сторона — верность Богу. Согласие — это «да» Богу, верность — это «нет» всему остальному. Быть верным — всегда вопреки. Простейший пример — история царя Иосии, который вполне историческая фигура, в отличие от Давида и Соломона, жил в сносно документированном VII столетии, и в 622 году до рождения Христа провёл такую грандиозную религиозную реформу, что, можно сказать, создал иудаизм, каким он остаётся по сути до нашего времени.

Рассказ о его деятельности — как гром среди ясного неба. Оказывается, нормального празднования Пасхи в Израиле не было, говорит Библия, ни при Соломоне, ни при Давиде, а только при незапамятных «судьях». То есть, полтысячелетия не было главного праздника, и вот опять! При этом о соблюдении субботы вообще речи в те времена не шло. А были повсюду статуи языческих богов, языческие обряды, в чём, собственно, заключался завет с Богом Авраама, никто не знал.

Археологи в целом подтверждают эту диковинную карти-

ну иудеев без Пасхи, иудеев без иудаизма, зато с язычеством. Примечательнее всего другое: такой набожный царь, такой порыв к Богу, такая очистка всего государства от языческой нечисти, а в итоге — полный облом. Иосия гибнет в битве с египтянами во время очередного набега Египта на Ассирию. Он Богу — всё, а Бог ему — ничего.

Вот это — верность. Когда мы читаем библейские псалмы, превращая их в свою личную молитву, все эти «Ты щит мой», «падут одесную меня тысячи и миллионы падут справа от меня, а я уцелею», мы выражаем не столько надежду, сколько верность. Конечно, я надеюсь уцелеть, но для этого не нужно быть верующим человеком, для этого достаточно быть живым существом. Но я буду верен Богу, даже, если не уцелею. Псалмы — не заклинания, в случае неуспеха которых я обязан засунуть Бога в яму с навозом, чтобы следующий раз лучше выполнять условия договора. Псалмы — это обещание верности даже в том случае, особенно в том случае, если будет неуспех.

Если сложить вместе те годы, когда у верных Богу было своё независимое государство, не мифическое времён Соломона, а реальное, то и сотни лет не наберётся. С момента взятия Иерусалима в 586 году Израиль всегда был под кем-то. «Возвращение из Плена» отнюдь не было созданием самостоятельного государства — как крымские татары, когда их депортировали или когда им разрешали вернуться в Крым, все не становились свободным государством.

В самом лучшем случае, на место одной империи приходила другая, пророк Даниил насчитал пять), но клетка была всегда. Тут, возможно, лучший аналог даже не крымские татары, у которых когда-то своё государство всё-таки было, а Чечня, которая всегда в кого-то входила. Это могло не чувствоваться, потому что император далеко, угнетают свои, родненькие угнетатели, но юридически это было именно так.

Более того: независимый Израиль всегда был кошмаром для своих жителей. Что вытворяли его цари и примкнувшие к ним первосвященники!.. Собственно, ничего особенно — коррупция, эксплуатация, бесконечные кровавые междуусо-

бицы. Ничего удивительного, что, когда приходили большие империи, никто особенно не вздыхал об утраченной государственности. Хоть какой-то орднунг, а от Римской империи ещё и вода — акведуки. И дороги.

* * *

В конце XIX века одного остроумца спросили, верит ли он в существование ада. «Я не верю, я знаю, что ад есть, и находится он в Чикаго», — был его ответ. Нельзя не понять страстного ожидания чего-то неясного, смутного, но не мутного, а ясного — царства справедливости, достоинства, общения, соединения, в общем, Царства Небесного — если не понять, что все другие варианты перепробованы и оказались адским адом.

Происхождение семьи, частной собственности и государства самое благое: средства спасения, конфетки, однако другой больше и краше. Перечислять, конечно, лучше как «собственность, семья, государство». В начале частная собственность, включая семью, а конец — там, где человек становится собственностью государства. Где становится, там и конец. Голгофа. Когда государство кого-то убивает — это как частный собственник берёт и рвёт ненужную бумажку. Или вешает на стену. Или сжигает.

Бог верен человеку, сопровождая человека и в собственности, и в семье, и в государстве. В Риме была формула брака «где ты, Гай, там и я, Гайя». Где ты, человек, там и Я, Творец человека.

Как бы хороши ни были наши ботинки со стороны, совесть нам подсказывает, что наше счастье заслуженное, по закону, тыр-пыр, но кому-то ведь плохо. Может быть, даже навверное, дай Бог, нам хорошо не за чужой счёт, но всё-таки несчастье чужим не бывает. Вот поэтому Христос Распятый важнее и нужнее Христа Учащего, Руководящего и Направляющего. Гвоздь в ботинке важнее ботинка.

Божья верность — это верность терпения. Вечность ждёт, когда время подрастёт. Бог верен до смерти — до Своей смерти. Ему приходится проходить через смерть, потому что только так можно убедить людей, что всё, кроме Бога — тупик, ведущий в никуда. И собственность, и семья, и государство.

И дружба, и наука, и любовь.

Всё из средства спасения становится орудием гибели. Это логика власти, логика рассогласования, закон распада. Они так же ведут к смерти, как и несение креста по стопам Христа ведёт к смерти, только вот разница: собственность, семья и государство не воскресают, а Христос — воскресает. Это воскресение ценно лишь постольку, поскольку оно не доказуемо. Царство Небесное — Божие лишь постольку, поскольку не имеет земных границ и столиц, не даёт паспортов с привилегиями и не посылает спецназ на помощь своим гражданам, как бы их ни унижали.

Верность не благодаря победам, а верность вопреки поражениям. Верность не за приобретение, а верность, хотя и потери. Верность в обмен не на продовольствие и деньги, а верность просто так, постоянство в отчаянии, иногда даже неразмышляющее, механическое, животное-тупое, потому что и преодолению подлежит механическое, тупое и животное мира сего.

5. ПОНИМАНИЕ

«И воскресшаго в третий день по Писанием».

Пятой частью Символа веры считаются слова о воскресении Иисуса «в третий день согласно Писаниям».

«Писания» — это книга пророка Осии. За восемь веков до Иисуса. О воскресении там есть две фразы, к Иисусу не имеющие отношения, они про «народ» и его судьбы, и «три дня» там, конечно, цифра совершенно символическая, в смысле, «потерпите ещё немножко».

Тем не менее, «Писания» появляются совершенно не случайно. Воскресение Христово не существует вне текста, вне культуры слова фиксируемого, передаваемого, читаемого. Эта культура появилась всего за 3 тысячи лет до рождества Христова, когда появились не только письменные договора и заклинания, но и сказания, стихи, молитвы.

«Илиада» существовала веками в устной форме, как и ле-

генды древних евреев, пока не были «зафиксированы» на письмо (примерно в одно и то же время). «Фиксация» вовсе не есть механический, количественный процесс. Слово, которое записали на бумаге, подобно человеку, который родился на свет.

Неверующий скажет, что вера в Христа и Его воскресение есть один из многих феноменов «осевого времени» — так называют как раз ту эпоху, когда слова стали записываться, когда Платон, Будда, Иисус стали теми, о ком можно читать, а не просто слушать о них рассказы. Это качественно новые отношения со словом: меньше искажений, больше подлинности, возможность вновь и вновь возвращаться к слову без риска искажений памятью. Это и качественно новая возможность понимания слова и того, о чём слово, и того, чьё слово. Это новый этап в развитии человека, огромное возрастание личного начала. Письменная фиксация слова увеличивает свободу человека в восприятии и произнесении слова.

Верующий — во всяком случае, верующий с Библией — скажет, что это всё так, как и с происхождением человека от обезьяны, только само «осевое время» есть не только результат внутреннего саморазвития, но и результат взаимодействия Бога и людей. Бог не выдуманный Сократом и Платоном собеседник, не приём, полезный на определённой стадии умственного развития. Бог «строит спасение», помогая родиться «осевому времени», «личному сознанию». Человек есть явление двойного происхождения и двойного предназначения — как рот, который может и есть, и говорить. Развитие человека идёт одновременно и извне, в мире материальном, в мире культуры, и изнутри, в мире Божьем.

«Строит спасение» — не очень удачная метафора, сравнение из обихода человека не пишущего, а строящего, работающего не пером, а молотком. Вернее сказать, что Бог «пишет спасение», Бог фиксирует в человечестве методы и средства, которые и должны провести людей от коллективизма к единству, от рабства к свободе.

Где коллектив, там нет понимания и понимания не требуется, там есть лишь подчинение. Подчинение же есть рабство,

а не свобода. Подчинение есть ложное согласие — согласие без понимания, согласие из необходимости, «свобода как осознанная необходимость», то есть свобода как неосознанное рабство друг у друга. В коллективизме нет понимания ни себя, ни другого, есть лишь жажда выживания и поставление выживания, количества жизни и жизней, главным критерием жизни.

Личность ищет понимания — чтобы её понимали и чтобы она понимала других. Понимание противоположно подчинению, исключает подчинение.

Как соотносятся понимание и любовь? Важно, что подчинение — враг любви, враг безусловный и опасный. Подчинение и враг понимания. Понимание и любовь друг с другом дружат, друг друга возвращают, и друг друга оберегают как отдельные явления.

Понимание вовсе не равно знанию, особенно там, где речь идёт о человеке и Боге. Знание закрывает пробелы, понимание открывает горизонты. Знание — словно частицы, понимание — накрывает человека словно волна и выносит в неизведанное. Тот, кто был ясен, в понимании становится бесконечно загадочнее, таинственнее. Любовь не упрощает любимого, напротив — она даёт понимание того, насколько любимый не может быть познан, как может быть познано всё материальное. Особенно контрастируют невозможность познать Бога и возможность Бога понять и, главное, быть понятым Богом. Религиозный опыт — просветление, экстаз, благодать — есть опыт понимания Богом и понимания Бога. Это понимание не отменяет и не заменяет знания, но даёт то, что знание дать не может.

Понятно и то, что в таком понимании отсутствуют все те гарантии, которые присутствуют в знании как человеческом усилии и труде. Встречи с Богом — не эксперименты в лабораториях. Эти встречи выражаются в текстах, но они не отчёты о проделанной работе, о наблюдениях и выводах. Сами люди первоначально не понимают этой особенности религиозной жизни и пытаются сделать религиозную жизнь слепком с других сфер деятельности, где всё проверяемо, подчинено

авторитету, где действуют механизмы коллективных решений, одобрений или наказаний. Это, может быть, самый опасный «антропоморфизм» — когда не Бога уподобляют человека, а веру в Бога уподобляют Академии наук.

* * *

Христианство с самого начала было очень «книжным» явлением, как и современные ему философские движения греков и римлян, как и другие явления, существовавшие внутри еврейской культуры. Это количественно другой уровень фиксации религиозного опыта, чем все предыдущие пласты библейской и околобиблейской литературы. Конечно, «количество» не гарантирует «качества» — качества в духовной жизни ничто не гарантирует. Многие схожие движения среди евреев (и других народов) были и исчезли, не оставив после себя письменных следов.

С точки зрения римлян и греков, литература первых последователей Христа была провинциально убогой. Апостол Павел не написал и сотой доли того, что написал современник Иисуса Сенека. Все четыре евангелиста написали в десять раз меньше того, что в одиночку написал их современник Плутарх, а ведь был ещё и Тацит, и Плиний, даже два Плиния, «старший» и «младший».

Но с точки зрения современного читателя, литература первых верующих в Воскресшего качественно иная, чем литература «талмудическая», создававшаяся уже после того, как евреи были изолированы от культуры греков и римлян. О современниках Иисуса и Павла в этих сказаниях уцелели отдельные фразы, точность биографий не выше, чем у сказок, это своего рода отступление на века назад.

Существование христианства внутри античной цивилизации не гарантирует истинности христианства, но даёт огромное количество текстов, по которым можно достаточно уверенно о христианстве этих первых веков судить, и это количество постоянно росло, достигнув пика в IV-V столетиях, так называемые «золотые века» христианского богословия, века «святых отцов». Конечно, это был расцвет внутри достаточно архаической, по современным меркам культуры, где

авторитетом часто — не всегда! — становилась физическая сила, государственная власть, социальные институты. Именно в ходе дискуссий этих столетий появился и Символ веры, появился и «канон Священного Писания» — то есть, отобранный и закреплённый комплекс текстов, признанных абсолютно верными в описании веры. В ходе богословской полемики были написаны — и сохранены! — тысячи книг. Можно критиковать ту эпоху за смешение веры с политикой, но можно и понимать, что смешение было и раньше, до христианства, а в христианстве этот малорадостный союз начал распадаться. Само разнообразие текстов и споров свидетельствует о нарастании личной свободы. Потом, в Средние века это разнообразие исчезло вместе с породившей его цивилизацией, но оно воскресло и продолжает воскресать всегда, когда воскресает свобода людей творить, верить, познавать.

Вселенские соборы, постановления, которые одни тексты называют «ересь», другие — «догматы», каноны — правовые нормы Церкви, — всё это не что-то уникально христианское. Это реализация в античном христианстве античной культуры, культуры очень мощной, иногда чересчур мощной — организация в очередной раз брала верх над творчеством. Тем не менее, это был прогресс, и современная цивилизация — преемница этого прогресса, и возврат к эпохе Млениа, которая предшествовала эпохе Понимания, был бы катастрофой.

* * *

Может быть, нигде так не выражено своеобразие христианства (не путать с сутью) как в разговоре апостола Филиппа с эфиопом:

«Понимаешь, что читаешь?» — «Как могу понять, если кто-то не объяснит?»

Читающий уже понимает — и про воскресшего Иисуса, и про всё-всё-всё. Бог уже дал ему то же самое понимание, которое двигало и Филиппом, и Павлом, и любым верующим в Воскресение. Но это понимание сути, понимание не интуитивное, но понимание, пробудившее интуицию, — это понимание как раз и пробудило в нём сознание непонимания.

«Я понимаю, что я не понимаю». Привычные тексты, заз-

убренные традиции, штампованные слова вдруг ожили и заплясали, показывая куда-то вдаль.

Вот в чём сила записанного текста — он площадка для диалога. Вот почему главные неприятели Иисуса — «книжники», начётчики, не ищущие понимания, а навязывающие.

Непониманий воскресения может быть множество. Конечно, базовое — то, с которым имел дело Сам Христос — это отождествление воскресения с судьбами сверхличных (и потому абсолютно бесчеловечных) понятий. Воскреснет государство, воскреснет («восстановится») Израиль, традиция. Воскреснут дети Авраама — значит, Авраам воскрес!

Аврааму Бог может изготовить детей из чего угодно — может, как в Торе написано, из горсти пыли, а может, как сказал Иисус, из гальки. Это был такой специфический горьковатый юмор Спасителя — из гвоздей, что ли, делали этих людей, или из камней... Но все эти дети — не Авраам!

Непонимание более простительное — непонимание тех неверующих историков, которые бездумно сводят веру в воскресение Иисуса к вере в погибающего и воскресающего бога плодородия. Редукционизм не может воскреснуть, потому что он не умирает никогда. Свести всё к самому примитивному. Как свести «Я помню чудное мгновенье» к диагнозу: «У автора проблемы с памятью».

Впрочем, воскресение Христа для большинства современных неверующих нимало не проблема уже потому, что они твёрдо знают — чудес не бывает, Бога не бывает, да и человек всего лишь много возомнивший о себе примат. Души нет, эмоции и сознание продукт биохимических процессов, свобода есть фантазия. Зачем воскрешать такое существо, для которого и любовь, и вера, и свобода всего лишь глюки?

Есть, конечно, и другие современные люди, которые смотрят на мир иначе, менее категорично. Это очень трудно — не быть категоричным. Слишком много в мире суеверий, лжи, обмана и самообмана вольного и невольного, слишком агрессивно ханжество и пустословие. Им надо давать отпор, и тут хочется просто полить огнём всё, что позволяет себе хотя бы намёк на непознаваемое научным путём — но имен-

но научное мышление как раз на это огнеметание не решится, потому что знает сложность мира.

Всё это — о возможности воскресения, но нимало о смысле воскресения. Между тем, главное в воскресении Иисуса — именно смысл. Современники Иисуса вообще не считали воскресение мёртвых чем-то необычным, но они же не веровали «в Лазаря» или в кого-то другого, воскрешённого Иисусом. Что в этом воскресении особенного, кроме личности воскресшего? Ничего! А что особенно в этой личности? Здесь — точка разрыва и точка благодати, точка, где кончается земное и начинается вечное. Точка разочарования или точка веры. Точка непонимания и конца или точка понимания, дающего начало огромному, бесконечному процессу воскресения собственной личности. Евангелие оказывается не благой вестью о «небесном царстве», о «реставрации Израиля», а благой вестью о личности, которая — да, говорила об этом царстве и уклончиво отвечала на вопросы об Израиле, тронах, суде — но которая прежде всего оказалась Личностью, восставшей и продолжающей восставать ежедневно, ежеминутно, воскресшей и продолжающей воскресать и воскрешать каждого человека в отдельности и всё человечество к пониманию в Боге.

6. ОБЪЯСНЕНИЕ

«И возшедшаго на небеса, и сядица одесную Отца».

Шестая часть Символа веры говорит о вознесении Христа. Это — об Иисусе как судье человеческой жизни. «Справа» означает место для наследника, место для царского сына. В некоторых странах сам царь вообще торжественно молчал, а все приговоры от его имени (в его присутствии) произносил как раз тот, кто был справа от царя.

Означает ли это, что верующий должен быть нравственнее атеиста, потому что верует в то, что «Бог накажет». Веришь в Христа — значит, живёшь словно в зале суда, и на тебя непрерывно пялится Тот, Кто будет выносить приговор.

Конечно, у иных верующих бывают такие воззрения, но

они, конечно, их личные воззрения, не имеющие отношения ни к Евангелию, ни к предыдущим этапам истории религии. Да, древние египтяне восторженно, с надеждой описывали, как умершие оказываются на суде, но не потому, что радовались суду, а потому что для них сама идея загробной жизни, само откровение о бессмертии человека было новостью. Суд же был и для них неприятной, но, видимо, обязательной процедурой. Они не могли поверить, что Бог просто так, без прожарки и очистки пустить всех к Себе. Кстати, и загробную жизнь они представляли как простое продолжение жизни временной.

Христос справа от Отца — это ведь Бог, прошедший рождение, издевательства, убитый несправедливо. Бог, хлебнувший несправедливости человеческой — и не захлебнувшийся, а восставший из нашей хляби.

Жизнь по Евангелию есть не новая нравственность, а новое понимание нравственности, которая всегда была, но всегда пахла смертью, а теперь должна сиять воскресением. Свет воскресения освещает и прошлое. В этом свете все нормы видятся иначе. Нормы ведь — всего лишь слова. Понимание без объяснений. А понимание без объяснений так же мертво, как объяснение без понимания. Вера мертва без дел, дела без веры. Любовь без секса, секс без любви. Жизнь отличается от псевдожизни, Вера от ханжества, религиозность от фарисейства как понимание от объяснения. Понимание — даруется сверху, объяснение — творится снизу. Бог не объясняет, Бог даёт понимание того, что есть «нормы», а объяснять это уже дело человека. Десять заповедей Синая, «декалог», как и «заповеди блаженства» — это камертон регента, жизнь человека — это пение. Пение же может быть очень разным. Пение может быть и соло, и в хоре, и в театре, и за столом...

* * *

Этика свободы, декалога, независимости — это этика конечного мира, мира Екклесиаста, мира состоятельности, победы над хаосом, но мира, в котором у тебя будущего нет. В самом лучшем случае, это этика веры. Бог есть. Мы не рабы, мы бары, баре умные, набожные, верующие, распоряжаемся

своей свободой, делимся свободой, делим свободу.

Этика несвободы, порабощённости, лузерства — тоже этика конечного мира, в котором свет есть, воскресение греет, но оно там, за облаками. Это этика надежды. Бог есть. Его убили, но Он воскрес и Он недосыгаем для палачей. Мы рабы, но, воодушевившись надеждой, попробуем выжить в нашем рабстве, благо рабство доброте не помеха.

Есть и третья этика. Не барская и не рабская, а творческая. Самая интересная, сладкая, волнующая, и самая опасная. Когда Символ веры говорит — условная седьмая часть — «И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца» — это как раз об этом. Что мы делали в качестве рабов или в качестве господ, это Богу не слишком интересно. Это «выполнение», это игра по нотам, которые Он Сам сочинил и лучше всех исполняет от создания мира до спасения. Человек, однако, способен поступать неожиданно, создавать новое — в том числе, в этике.

Простейший пример — похороны. Кто-то ведь их придумал! Изобретение куда более интересное, чем топор, молоток или колесо, потому что эти изобретения — для выживания, а похороны — для общения. Можно запросто и не хоронить покойников, ничего страшного. Страшное в покойнике отсутствует, оно туда вписывается живыми. Покойник — это всего лишь экран. Сжечь, в компост, или вырыть яму и положить в особой позе? Засыпать цветами, а может, охрой? А может, и телевизор с колесницей туда поставить? Ох, сколько же вариантов!

Иисус нимало не возражает против похорон, даже хвалит женщину, которая Ему вымыла ноги дорогим маслом — тогдашний аналог Шанель — за то, что она «приготовила Меня к погребению». В число христианских добродетелей — и вообще добродетелей — всегда входило забота о том, чтобы похоронить нищего, бродягу или жертву заразной болезни, переступив через естественный страх или отвращение.

Однако гвоздь евангельской программы — предложение одному из «интересующихся» не ходить на похороны родного отца. Пусть мёртвые хоронят своих мертвецов. Ого! Тебя, зна-

чит, будут хоронить, и эти похороны будут изображать рем-
брандты, а моего отца на свалку выбросить?

Совершенно из той же серии такие этические предписания как «подставь щёку», «оскопи самого себя», «раздай своё богатство нищим». Тут только руками развести! Даже не сработает отмазка «невозможное для людей, возможно для Бога». Такое вообще невозможно! Кстати, и не нужно! Ну кому от этого будет легче? Даже если раздать богатство нищим — ну, достанется каждому по спичке, и что?

Гениальное изобретение гениально ещё и тем, что его можно вывернуть наизнанку и отказ от него сделать ещё одним творческим актом. Таков любой аскетизм (а похороны — это аскетизм, трата сил и времени). Один аскет изобретает пост, другой изобретает паломничество, третий искусственную бедность, одиночество, послушание, смирение. Какой-то остроумец изобретает освящение — освящение как постоянный разговор с Богом, людьми и творением, разговор жестом, поведением, молитвой. Это всё совершенно необязательно, избыточно, не имеет отношения к утешению и к здоровью, богатству и бедности. Главное же — наступает миг, когда, чтобы остаться монахом, нужно покидать монастырь, чтобы сохранить целомудрие — жениться, чтобы довершить паломничество — остаться на месте, а чтобы совершить подвиг за-творничества — отправиться автостопом неведь куда.

Как не ошибиться, как оправдаться на Страшном суде, как быть уверенным, что ты правильно сделал?

Конечно, никак! Уверенность — роскошь богачей и бедняков, рабовладельцев и рабов, но не Гомера и Сократа. Когда учёный заявляет, что притчи Иисуса о человеке, который не может даже вздремнуть, потому что в любое мгновение может заявиться то ли хозяин дома, то ли, наоборот, банда грабителей — это притчи о скором конце света, а значит, Иисус считал, что мир погибнет со дня на день, — такой учёный напроць загубил в себе творческую личность. Вдохновение — всегда аки тать в нощи, творчество всегда «езда в незнаемое», ураган, который уносит твой дом и тебя в опасное и неожиданное будущее. Сегодня ты гений, потому что изобрёл по-

хороны, гадания на печени, аскетику, а завтра ты плюёшься от отвращения на эти изобретения, мечтаешь о них забыть, потому что пора их заменить — нет, не на что-то противоположное, а чем-то совсем неожиданным.

Лучший пример, возможно, не совсем из аскетики. Коммунизм — это что? Взять и поделить? Конечно, нет, это не коммунизм, а бандитизм. Коммунизм — это итальянские правовернейшие римо-католики, положившие начало капитализму в XII веке, как и польские монахи-коммунисты (они именно так и назывались), которые в XVII веке сделали Причастие — «коммунио» по латыни — центром своей жизни. Конечно, творческий дух в экономике так же легко опошляется и извращается, как и творческие взлёты в искусстве. Сперва Леонардо, потом тьма леонардески — подражателей, жирующих на тиражировании Леонардо. Пипл хаваает, всё по-честному, а совесть — совесть творца? Бог, как известно, не спрашивает, был ты Леонардо или нет, он спрашивает, был ли ты собой? Бог начал тебя творить, а ты — продолжил или просто тиражируешь себя? Так ведь тут как с доской, на которой вырезан рисунок будущей гравюры — каждый отпечаток стирает и немножечко искажает этот рисунок. Поэтому подражать дяде Тому, Аврааму, Рафаэлю — самоубийство. Подражай Богу — твори то, чего не было.

Нехватка творчества, подмена творчества тиражированием — вот что превращает и аскетику, и политику, и экономику в их противоположность: пошлость, тоталитаризм, нищету. Нищету самого поганого свойства — когда у одних ничего, у других всё. «Плодитесь и размножайтесь» — это что, о тиражировании? Разве люди — тиражи? Стереотипы? Бывает, но это уж мы сами себя превращаем в безликих персонажей, утрачивая дар быть оригинальным. Так и человеческие дела — мало научиться копировать добрые дела, надо научиться делать каждое доброе дело изобретательно и творчески. То есть, собственно, переходить от добрых дел, которые по определению есть реализация неких нормативов, к собственно жизни, человеческой жизни, которая всегда — озарение.

Именно озарение превращает холостяка — в монаха, ту-

риста — в паломника, балду — в философа, премудрого пещаря — в птицу Феникс, лодыря — в аскета, богача — в изобретателя (наоборот — так редко, что никогда). То же можно сказать и о более существенном: озарение превращает уныние в смирение, разорение — в нищету духом, издевательство над судьбой — в чувство юмора, сарказм — в веселье, а веселье — в светлую радость.

Этика озарения уничтожает различие между капитализмом и коммунизмом (и без того не такое уж большое), причём она не разрушает капитализм (слава Богу) и не крушит коммунизм (а вот это жалко, потому что то, что существует под видом коммунизма в Китае и некоторых других странах вполне достойно сокрушения).

Самое ужасное в этике творчества — она не только не даёт готовых рецептов, как всякая нормальная этика, она отрицает саму их возможность. Она не о том, как приготовить обед, а о том, что делать до и после обеда, а иногда — вместо. Что делать — свобода очень часто есть свобода не от рабства и не от рабовладения, а просто от еды и питья, то есть, от самого себя, а вот эта свобода, свобода как суицид и самоустранение, и есть условие творчества как воскрешения мира, людей и самой смерти. Своего рода — вырванная страница в задачнике жизни, но без этой вырванной страницы задачник будет, а жизни — нет. Потому что, как и сказано — бесконечная!

* * *

Первое понимание праведной жизни — вообще понимание, не связанное со словами. Хоть всю жизнь молчи. Даже лучше молчать — за праведника сойдёшь. Это заповеди человека-одиночки, человека-маугли, человека — победителя великанов. Библия сохранила нам память о таком человеке — Адаме, Аврааме, Моисее — почти абсолютно свободном.

Человек без государства, без народа, без семьи. Догосударственному. Такими когда-то были все. Идеал анархизма, вольницы, либертарианства. Бог ничего против не имеет, даже, кажется, рад появлению такого человека, а пожалуй, и Сам Руку Приложил. Именно такому человеку адресованы Десять Заповедей.

Такой человек объясняет себя другому человеку. Это сильный человек. Герой вестерна. Покоритель. Завоеватель. Он не убивает — как можно, своих! Свои пригодятся для завоевания. Он может, правда, вырезать целый город, но это же не убийство, это воинский подвиг. Почётный долг.

Это, конечно, этика, но этика сильного и свободного человека. Патриархальная этика. Человек сильный объясняет человеку слабому — жене, детям, бродяге, иностранцу — как надо жить.

Евангелие описывает нам совершенно другого человека. Этот человек несвободен во многих отношениях. Он часть народа, он не мыслит себя вне государства, вне сложной сети традиций и ограничений со стороны коллективов самого разного характера. Не индеец в джунглях Амазонки, не маори. В довершение беды он живёт в настоящей матрёшке несвободы, потому что его государство завоёвано другим государством. Пожалуй, и не одним: самый свежий завоеватель Рим, но больше всего поселений — греков, они завоевали Израиль раньше римлян на несколько веков.

Заповеди блаженства (да и всё Евангелие) адресованы не победителю, а побеждённому, не сильному, но слабому человеку. Это человек, которого довели до слёз, которого поработили, угнетают, которому безнаказанно врут. Лучше всего этого человека описал Шекспир: мастер, который стал рабом халтурщика, учёный, которым командует псевдо-учёный. Перевёрнутый мир, где вверху те, кто должен быть внизу. Где все не на своём месте.

Жизнь по Декалогу — это жизнь победителей, жизнь по Евангелию — жизнь побеждённых. В этом мире этика — это объяснения с самим собой и с подобными себе. Например, когда апостол Павел объясняет беглому рабу, почему лучше вернуться к господину. Апостол Павел подкрепил это объяснение своей жизнью — мог бы сбежать от римского суда, но не сбежал. Как и Иисус. Как Сократ. Побеждённые, которые не захотели быть победителями. «Жить по Евангелию» означает и Декалог соблюсти, и Заповеди Блаженства приобрести.

Сегодняшний мир, современный — это мир не победите-

лей, и не побеждённых, а свободных и в этом смысле равных. Конечно, современности в современном мире ещё не много, но то, что именно такая жизнь нормальна и хорошая, признают даже те, кто предпочитает быть победителем или смирился с участью побеждённого. Не всегда вслух признают, но признают.

Тем не менее, и в современном мире нравственность — это прежде всего объяснение. Точнее, как раз там, где люди не угнетают друг друга, где люди приближаются к человечности, только и начинается настоящая этика — этика диалога. Не этика гордости, которая не ворует, потому что завоевала, заработала и не желает ничего даром, не этика смирения, которая не ворует, потому что вообще ничего не хочет иметь своего, а этика объяснения. Этика, которую похожа на «ситуативную» — поступать по обстоятельствам, но другой человек не есть обстоятельство. Другой человек — живой, развивающийся, говорящий космос.

Тут ответ на вопрос, почему Иисус не остался среди людей, не присутствует по сей день на Земле физически, как неисчерпаемый источник мудрости. Мудрость, оказывается, как раз в том, чтобы не быть источником, не привязывать к себе людей как вечных детей, бегающих к родителям и учителям за справками и советами.

Многие разумные и добрые люди полагали, что это была большая ошибка — предоставить людей самим себе. Куда лучше было бы остаться и, объединившись с лучшими умами человечества, рулить. Объяснять.

Может быть... Может быть, оккупация мира Богом превосходное средство от оккупации мира человеческой агрессией и злом. С нашей точки зрения. У Христа — другая, точка зрения из хлева, с Голгофы и вот — с Неба. Что бы ни иметь в виду под «небом», ясно, что оно не там, где командуют. Там — блиндаж, может быть — вышка с охранниками, может — кабинет в Кремле. Это всё немного другое. Бог не объясняет, Бог доверяет человеку быть источником ясности, и ясность эта — не монологическая, а диалогическая. Она появляется как электричество — там, где сходятся два потока энергии.

Человек эпохи Декалога был в рабстве у сил природы. Человек эпохи Заповедей Блаженства был в рабстве у сил человеческих. Римская империя, еврейская религия, греческая образованность, — великие достижения, великие победы, только вот цена за них — рабство как раз у того, благодаря чему победили. У политического, социального, религиозного, интеллектуального насилия, у принудиловки во имя свободы.

* * *

Самый наглядный пример ясности, рождаемой в диалоге — это отношения любви. Не верховенство мужчин, не верховенство женщин, а разговор, общение, коммуникация. «Не прелюбодействуй» тогда означает «не будь угрюмым хрычом», «не изменяй общению».

Тут и обнаруживается значение свободы. Много можно делать, будучи рабом, только разговаривать нормально невозможно. Чтобы свободно говорить, надо говорить со свободными. Не поработай, да не поработим будешь. Не заставляй молчать, не онемеешь. Не будь рабовладельцем. А рабом? А рабом, оказывается, можно. Не нужно, но можно — но рабом, который говорит.

Иисус «принял облик раба» — формально был свободен, ведь «оккупация» это так, в целом, а каждый в отдельности вроде бы ничего. Вот это «ничего» и есть рабство с точки зрения Бога, и Он принял это рабство как Своё. Иисус — какой Раб? Бунтарь или холуй? Ни то, ни другое. Самый близкий аналог — дядя Том. Не выдавливает из себя раба, даже наоборот — остаётся рабом, хотя мог бы бежать. Но бежать — освободишься сам, останешься — поможешь освободиться другим. Главное же: дядя Том говорит, причём самое главное он говорит — и за это его убил хозяин — когда отказывается говорить, когда не предаёт сбежавших рабов и этим мешает рабовладельцу их найти.

Потом будет ещё третий человек — не анархист и не раб, а человек после Христа, человек, в мире которого есть Церковь, есть невидимый интернационал единоверцев, есть просвет и надежда. Мир Евангелия не таков — это мир безнадежности, и этика в этом мире — этика безнадежности. Безна-

дѣжности, но не бесчеловечности!

Может быть, для лёгкости запоминания стоит назвать первую этику — этикой Отца, вторую — этикой Сына, третью — этикой Духа. Этика свободного, этика раба, этика освобождённого и от рабовладения, и от рабства. Спасение — это не просто возвращение в свободу, это обретение свободы с памятью о рабстве. Это преобразование свободы одного в свободу всех. Человек, не побывавший в рабстве, спокойно имел рабов, как имели их Авраам, Исаак, Иаков — да они к собственным детям как к рабам относились. Человек, побывавший рабом и освободившийся, никогда никого не будет поработать.

Понятно, почему Заповеди Блаженства принципиально отличны от Десяти Заповедей. Там всё — для свободного зажиточного мужчины. Хозяин. Мужик. Ковбой. Заповеди Блаженства — для безработного, уволенного, плачущего от бессилия. Там — для победителей, чтобы не засматривались на утешительные призы проигравших. Тут — для проигравших, которым и утешительных призов, кроме пинка, не досталось.

Почему вдруг лузеры — победители (и наоборот: первые — последние)? Да потому что власть растлеивает прежде всего властвующего. Мало не быть президентом земного шара — надо ещё не быть и тем, кто избрал этого президента, а лучше всего — быть тем, кого президенты довели до слёз, лишили собственности, разорили войной и прочее, что в Заповедях Блаженства и перечислено.

Первое, что меняется — покаяние из частицы становится волной. Оно и частицей не перестаёт быть, но всё-таки человек отныне кается не в каких-то нарушениях порядка, а в том, что сам порядок, которым он живёт — не слишком человечен. Разница как между блудным сыном и правильным сыном, и симпатии Христа, как мы помним, не на стороне отличника ответственности и долга.

Почему такое различие? Это различие между природой, творением, материей и — тем, что в человеке есть собственно человеческого. Землетрясение — само по себе не зло, а вот зависть — зло само по себе, даже если ничего не украдено и ни один кролик не пострадал. Смерть — нормальное биологиче-

ское явление, хотя малорадостное. Убийство — хоть на фронте, хоть на эшафоте — абсолютное зло, потому что совершается человеком и над человеком, а если кто-то ещё и радуется убийству, то это уже совсем сатанизм.

Покаяние было чем-то вроде чистки зубов, самостоятельным действием, стало — другой тебя чистит. Оказывается, самые грешные грехи — за спиной, между лопаток, там, где мы то думали: крылышки. Кто-то должен тереть спинку.

Молитва — из алхимической формулы наконец-то превращается в дыхательную смесь. Зато жертвы — того... Кролики, барашки, бычки и тёлки перестают страдать, да и голуби могут не бояться, и огурцы с картошкой спокойно идут в салат оливье, а не на алтарь Храма Соломонова. Сердце, сердце зарежь — из него исходит всякое бессердечие... Зарежь и выкини, освободи место для сердца Божьего!

Декалог ни слова не говорит о милостыни, о прощении, о том разгильдяйстве любви, которое пронизывает все наставления Христа. Прости, накорми, напои, потом догони и ещё покорми. Раздай имение нищим. Подставь щёку и никакого хука левой. Тебе лезут в душу — открой и душу, и подсознание, и что там ещё психологи напридумывают, будто оно внутри нас. Потому что внутри нас — то самое Царство Божие, которое по определению — не наведение порядка, а брызжущий во все стороны фонтан любви.

Жизнь по Евангелию — это прежде всего смерть по Евангелию. О, конечно, всё не так уж страшно, просто если у Моисея колышек вбит в Землю Обетованную, то у Христа колышек вбит в Голгофу. Ты записался в распинаемые или ты записался в распинатели? Третьего не дано, вот такой уж этот Иисус немилосердный. Предельная требовательность — без этого предельное милосердие было бы убийственно. А так — призыв убится, призыв не бояться убится, призыв не быть тем, кто задолго до решающего момента говорит, что в решающий момент предпочтёт быть живым го...ном, чем мёртвым святым. Если святой — то не мёртв, вот что пытается довести до сердца человеческого Иисус, и воскресение Его — именно об этом, ненаглядное наше пособие.

Смерть по Евангелию обязательна теоретически («сохранивший свою жизнь — уже погиб, просто в силу того, что предпочёл сохранить свою жизнь»), вот как переводится «возьми крест»). Практически, однако, всё не так трагично, и Евангелие вполне адекватно названо именно «Ев-ангелие», «Благо-вестие». Живите! Лехаим, бояре! Многая лета!! До ста лет бегать и ещё двести на карачках ползать!!! И все триста лет — быть открытым людям, хотя открытость — это открытость и для злодеев, да просто для дурно воспитанных, неделикатных людей (хотя неделикатность — это тяжёлый грех, это людоедство-лайт). Открытость — вот о чём «приготовьте путь Господу».

Распахните дверь — и можно даже не пытаться придумать такой фильтр, чтобы в дверь души Бог входил, а людоед не мог протиснуться. Безумное поведение? Оно оправдано одним: евангельская этика предназначена для тех, кто уже в тюрьме у людоеда сидит, у кого вообще нет проблемы, пускать людоеда или нет, людоед сам войдёт, когда захочет, он хозяин. А Бог — никогда не входит без спросу, Он ещё и особого приглашения ждёт и нам рекомендует от других людей ждать особого приглашения.

Понятно, почему такой всепрощающий, казалось, бы Иисус в вопросе о разводе занимает такую жёсткую позицию? Камнями не побивать, но развод — ни за что. Это не про то, что можно жить супругами без любви. Прямо наоборот: это про то, что без любви жить нельзя, а потому — ищите любви, стяжите любви, добивайтесь любви, воскрешайте любовь, а не пытайтесь найти замену. Вселенная одна. Любовь одна. Бог один. Без вариантов. Этика карцера, в котором одно-единственное окошко, и ты один, и развод — это как себя разорвать на две части. Тебя как лоха зло, дух разъединения, разводит на развод — а ты не будь лохом, будь любовью.

Как верно заметили апостолы, это невозможно. На что Иисус ответил, что невозможное для людей — возможно для Бога. Людям невозможно говорить — нормально, свободно, на равных. Бог делится с нами этой Своей способностью — и тогда наступает ясность. Всё возможно, когда мы из надменно молчаливых рабовладельцев и покорно молчащих (или покорно говорящих) рабов становится участниками вселенского

диалога, в котором участвуют все, начиная с Христа, сидящего с Отцом и дышащего Духом, и ими заканчивая.

7. ПРЕОДОЛЕНИЕ

«И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Его же Царствию не будет конца».

Седьмая часть Символа веры говорит о том, что в обычной речи называется концом — концом света, концом мира. Это настолько обычно, что намыленный глаз может и не заметить, что вообще-то там о прямо противоположном, о бесконечности, ведь царству Его не будет конца.

Многие традиционные религиозные идеи выворачиваются наизнанку на Голгофе. Например, идея суда вполне традиционна, начиная с египетских пирамид. Только есть большая разница, человек идёт на Суд или Судья идёт к человеку. Идёт «во славе» — в сиянии вечности. «Слава» не просто «свет», «слава» — это свет над светом, Свет Божий. Восход без захода. Накат без заката.

Идея бесконечности это идея страшноватая — для человека страшноватая, не для слона или горы. Слон или гора вполне могут существовать вечно, они от этого будут лишь слоновее и гористее. Но человек... То, что в человеке человеческое, что отличает нас от животных — свобода, дух, творчество — всё-таки тесно связано с конечным. Мы понимаем, что не может быть такого «мгновения» в нашей жизни, которое заслуживало бы вечности.

Всё не то! Всё хоть немного, но несовершенно. Даже самый благой порыв несёт в себе разрушительный потенциал. «Нельзя что-то отчистить, ничего при этом не запачкав». Особенно это касается отношений между людьми, и чем ближе люди друг ко другу, тем пронзительнее нестыковка между людьми. Что уж говорить о «нестыковках» внутри самого человека. И вот эту нестыковку сделать вечной? Или надеяться на то, что Бог может отделить нас от наших нестыковок, что «суд» — это волшебство, благодаря которому мухи наконец-то

будут отдельно, а щи отдельно, и все мы будем белые и пушистые, да ещё и научимся петь хором «аллилуйя»?

Ничего такого Бог не обещает. Он просто открывает бесконечность, дарит вечность, а как мы распорядимся этим подарком, это уже наше дело.

Это было бы очень печально: вечность сама по себе сомнительное удовольствие. Бесконечное продолжение конечного — как бесконечная шапка пены на пиве.

Только вера не о вечности, не о бесконечности, а об Иисусе. Без Бога, бывшего под судом, осуждённого и казнённого по приговору суда, провалившегося в бесконечную пустоту смерти, — без Христа и суд, и бесконечность, и власть добра, — всё бесчеловечно. Без Бога, преодолевшего пропасть между Богом и человеком, между Бессмертным и смертными.

Христос не просто «придёт». Вера «в Христа» с самого начала есть вера в то, что Христос уже рядом, невидимо для верующих и неверующих, но для верующих невидимость — не проблема, а решение проблемы. «Царство Божие приблизилось» означает всего лишь, что Христос приблизился. Бог — приближённый людей. Немного странно: когда человек пытается выразить опыт присутствия Христа, встречу с «идушим» Христом, то говорит об Иисусе как о Том, Кто стоит.

Так было уже с апостолом Павлом: он налетел на Христа словно автомобиль на отбойник. Примерно так же, по легенде, апостол Пётр налетел на Иисуса, когда бежал от палачей. На возглас Петра: «Ты куда, Господи?!» (вопрос не очень умный, зато очень естественный), Иисус ответил, что идёт к палачам. При этом надо помнить, что Пётр до этого один раз уже сбежал (когда судили Иисуса), в другой раз чудесным образом Бог вывел Петра из тюрьмы, в общем, был позитивный опыт. А тут — всё наоборот.

Христос идёт не бок о бок, Бог не приятный спутник, сопровождающий нас на жизненном пути. Бог Сам — Путь, и на этот Путь надо перейти со своей тропинки. А иногда и перескочить через канаву или пропасть, преодолев инерцию, преодолев свои представления о жизни, о справедливости, о Боге, которые могут вовсе не вести к Богу.

Преодоление себя, выход за свои пределы, от себя-данности к себе-данности есть не только в христианстве. Такое преодоление естественно для человека, это естественность сверхъестественного. Человек есть единственное сверхъестественное существо в природе.

Преодоление себя проявляется прежде всего в самоограничении, аскезе. Человек словно искусственно делает себя больным, понарошку убивает себя, немножечко себя мучает. Это своего рода прививка, только духовная: немножко болезни, немножко опасности, чтобы не заболеть по-настоящему.

Болезнь делает человека одиноким — и вот человек выбирает уединение, чтобы выздороветь от заикленности на себе.

Богатство ожесточает — и человек постится, раздавая деньги нуждающимся, чтобы преодолеть ожесточение. Да, пост это прежде всего — съесть меньше, а остальное отдать голодному. Не диета.

Точно так же паломничество — не туризм, не бегство от себя, не освобождение от надоевших обязательств и рутины повседневности, а путь к Другому. Своего рода лунатизм, погружение в искусственный сон наяву. Всё объявляется призрачным миром, кроме одной цели — и эта цель не часть этого мира. Идут не к святыне, а к Святому. Паломничают не в Иерусалим, который на земле, а в Иерусалим, который на небе. Идут к Другому, идут именно потому, что этот Другой — за спиной паломника и рядом с паломником.

Отличается ли христианская аскетика от дохристианской, внехристианской, пост-христианской? Есть ведь и «пост-христианская» аскетика, когда вполне неверующие люди преодолевают себя — дай Бог каждому христианину так! А что, верующие чистят зубы не так, как верующие? Аскетика придумали не религиозные люди, а больные люди, придумали как лекарство от физических и душевных проблем. Сбросить жирок — физический и психологический.

Отличий нет — по форме. Может быть, единственное существенное отличие — большая хрупкость верующего человека. Да, хрупкость! Лечится — большей беспощадностью, хотя

до изуверства доходить не надо. Хрупкость от невидимости и неслышимости огромной части своего бытия. У неверующего этой проблемы нет. Всё наглядно. Вера не просто уверенность в невидимом, вера есть уверенность в невидимом посреди уверенности в том, что нет никакого невидимого. Причём, эта уверенность в иллюзорности Бога, воскресения, вечности, смысла — не вне (хотя и вне тоже), а внутри. Вот откуда хрупкость. Поэтому для верующего преодоление — это ещё и преодоление неверующего в себе. Есть он, есть, как не быть.

Чтобы справиться с неверующим в себе, хороша память о смерти (иногда говорят по старинке «память смертная»). Придумали память о смерти неверующие, чтобы взбзднуть-ся словно нашатырём — лови день, живи мгновением, не строй иллюзий. Для христианина память о смерти — нашатырь, который напоминает не о мгновении, а о воскресении. Мгновение — оно вот, а воскресение где? В результате вера постоянно балансирует между унынием и терпением. Маниакально-депрессивный психоз, только искусственный (и только искусственный!). С депрессивностью понятно, а где маниакальное? Так ведь в аскетике есть не только память о смерти, память об аде — есть и память о рае. Одно без другого так же бессмысленно как электрический плюс без электрического минуса. Искусственный пессимизм принимается только вместе с искусственным оптимизмом.

Где в христианстве оптимизм? Да все праздники! Умер Господь — праздник, хоть и мрачноватый, Страстная Пятницы. Воскрес — ну, понятно. Рай на земле. Освящение — праздник! Не потому, что в структуре воды что-то меняется, а потому что в структуре души, которая пускает Бога освящать мир, что-то меняется. «Освятить» это ведь означает «посвятить Богу». Освятить дом — значит, это уже дом святой, дом Божий. Освятить автомобиль — Божий автомобиль. Ты уже только арендатор, только нанятый шофёр, ты не себя везёшь, ты Бога везёшь. Это, между прочим, очень даже аскетизм, если относиться к освящению всерьёз, а не впадать в суеверия и магизм. Мол, это мне Бог поможет. Бог-то поможет, но поможет именно потому, что ты уже не совсем свой, и твоё не совсем твоё. Так что помощь

может оказаться весьма неожиданной. У тебя свои представления о помощи, у Бога свои, будь готов к неожиданности. Всегда готов, и присно готов, и во веки веков готов.

* * *

Преодоление себя вовсе не ограничивается постами, поклонами, молитвами, паломничествами и прочими аскетическими излишествами. Курощать себя можно, будучи богачом среди бедняков, рабовладельцем среди рабов, диктатором среди подданных. Но это именно курощение, а не укрощение. Один из православных гимнов называет Бога «святой сильный», но сила Божия — не насилие.

Жизнь по Евангелию есть не только и не столько насилие над собой (хотя иногда без этого не обойтись) — жизнь по Евангелию есть преодоление насилия вокруг себя. Господь Иисус говорит о том, что обычные лидеры пользуются насилием, а христиане не должны насиловать, должны служить людям (Мф 20: 25), как Он служит — служит решимостью быть убитым, но не убить, быть осуждённым, но не судить. Страшный судья — предпочитающий быть осуждённым, но не судить. «Грядущий судить», приближающийся, чтобы судить — и никогда не судящий. Словно какая-то асимптота, бесконечное приближение к заявленной цели — и бесконечное отклонение от этой цели.

Как служить людям? Выполнять все их распоряжения, прихоти, приказы? Иисус так не делал. Советы, которые в Евангелии по видимости содержатся — раздай имение, вырви себе глаз, оторви себе руку — это, конечно, те ещё советы. А как Иисус служит людям? Взял бы да и создал ООН или Всемирную академию нравственных наук. Больше было бы пользы?

Вера есть уверенность в невидимом — и невидимое это не только и не столько Бог, сколько воля Божия. Вера есть уверенность в том, что Бог — Творец, и всё, что Он делает, это творческий подход, а не механический, не тупое прямолинейное диктаторство. Судья, который не судит — это Царь-Судия, как царь-пушка — пушка, которая не стреляет, а царь-колокол — колокол, который никого не оглушает. Вера в воскресение есть вера в то, что воскресение имеет смысл. Вера в Страшный

Суд есть вера в то, что Суд, который всех пугает, но никого не осуждает, есть Божий Суд.

Как же человек может подражать такому творчески настроенному, изобретательному Богу? Да уж как-нибудь так! Бог не советует — творческое решение то, которое сам изобретаешь. К счастью, история Церкви — и не только Церкви — полна творчества, иначе бы человечество давно испарилось. Достаточно упомянуть искусство.

Музыка, живопись, танцы-шманцы, цирк, футбол, танец с саблями — это труд? Да, причём только танец с саблями — труд и творчество, а рубить друга в капусту саблями не «ратный труд на благо мира», а безобразное человекоубийство и разрушение вселенной. Искусство — творческое преодоление насилия и его последствий: скуки, страхов, уныния, бесчеловечности. Не всякое, конечно. Так ведь и не всякая работа — труд. Мало затратить время и материалы, важно ещё правильно их потратить. Строить виселицу — не работа, а уничтожение времени, материалов и своей души.

В России искусство, к сожалению, часто воспринимается как служанка чего-то более важного. Например, социальной справедливости. Надо преодолевать несправедливость? Надо так организовывать жизнь, чтобы не было нищих лазарей, не могущих прожить без крошек со стола богачей? Да было бы недурно. Пусть искусство на это вдохновляет? Да нет, искусство не для этого. К тому же «организовывать жизнь» — это как раз не преодоление, а организация. «Организованная жизнь» — это смерть. Во всяком случае, для людей. В «организации по имени Жизнь» будет больше несправедливости, чем в самой неорганизованной жизни.

Несправедливость оказывается вторичной по отношению к свободе. Вот почему попытки построения идеального общества на началах любви — то, что принято называть коммунизмом — либо оканчиваются неудачей, либо приводят к диктатурам. Например, первые христиане в Иерусалиме «имели всё общее», сообщает евангелист Лука в «Деяниях» — но это явно кончилось неудачей и развития не получило. Но хотя бы и диктатурой не стало!

В сегодняшнем мире христианство очень активно политически, и результаты очень разные. Ведь и американская «модель» во многом вдохновляется христианством — христианством пуритан, отцов-основателей, которые бежали в Америку с мечтой построить идеальное общество. Так и в современной Западной Европе, откуда отцы-основатели бежали, тоже во многих странах осуществляются идеалы «христианской демократии», «христианского социализма». Христианство одно, а модели разные. Какая правильнее? Та, которая впереди. Которую ещё предстоит создать. Творчески — то есть, без насилия. Вместе — вместе с другими. В сравнении с этим Великий пост просто лёгкое развлечение. Жизнь — учебник, в котором нет задач, а есть лишь ответ: «Суд страшен, если подсудимые не договорятся между собой, потому что спасутся либо все, либо никто».

Понятно, почему преодоление препятствий, греха, трудностей Иисус сравнил с несением креста? Сегодня бы Он сказал: «Иди как на расстрел». Ну не о походе же к стоматологу было сказано «возьми свой крест». Смирение — это и социальное поведение, а не просто самоуничужение и попытка серой мышкой прошмыгнуть на небо, не соприкасаясь с другими. Крест и смирение — кисло? Так ведь есть ещё и юмор, и радость, и смех. Всё то, что позволяет вырваться из тисков безнадёжности и что уже поэтому прямо связано с верой. Не оптимизм — реализм уверенности в невидимом Судье, Который поднялся с судейского кресла, сбросил мантию и спустился в зал, чтобы вместе со всеми превратить суд и осуждение в свет и соединение.

8. ОСВОБОЖДЕНИЕ

*«И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго,
Иже от Отца исходящаго,
Иже со Отцем и Сыном
спокланяема и славима,
глаголаващаго пророки».*

В современном мире, утверждает статистика, быстрее всего растут те направления в христианстве, которые называются «харизматичными». «Харизма», «харисма» — от греческого «подарок». Подарок в данном случае — Дух Божий. Дух Божий дышит в каждом живом существе, да и не только в «живом» — потому что «живой» это очень условное определение, и твёрдой границы между «живым» и «не живым» объективно нет. Однако, одно дело — жить у кого-то, совсем другое — дать другому пожить у себя. История Церкви, история «христианства» — ещё до того, как появилось слово — начинается с того, что ученики, апостолы, видевшие, как видимое становится невидимым — Вознесение Христа — растерянные, не понимающие, что дальше делать, или понимающие, но не имеющие сил с места двинуться — эти ученики вдруг, не сходя с места, оказываются внутри Духа Божия.

Много позднее историк — евангелист Лука — сравнит это с пожаром. Словно каждый объят пламенем. Пламенеет.

Сегодня «харизматичность» чаще сравнивают не с жаром, а с теплом. Словно на человека накинули тёплое одеяло.

Люди по-разному описывают этот опыт. Лев Толстой, очевидно, именно этот опыт описывал как встречу с Богом, подобным мировому Океану, рядом с которым человек кажется маленьким. Того и гляди, утонешь, растворишься. Может быть, описание зависит от того, какое чувство у человека является главным в познании и в описании мира. Если слух, то Бога описывают как тишину. Абсолютную тишину. Если зрение, то Бога описывают как свет.

«Огонь» — образ, объединяющий все прочие. И свет, и звук, и жар. При этом образы образами, а именно под одеялом,

в тишине, в свете, на берегу океана становится ясно, что Дух глубже тишины, света, бесконечности. Эта бесконечная глубина приходит — и не топит, а селит тебя в Себе, и не только меня, но и других. Так совершается освобождение.

Слово «Церковь» означает — если проследить этимологию — всего лишь «соединение», «единство». Тут та же идея, что в «религию», «синагога», «кагал», «койнония», «соборность». Современный человек — то есть, человек, помнящий о единении людей вокруг людоедов, о сплочении тоталитарном — по-баивается любых разговоров о единстве. Вдруг растворишься!

Растворяешься. Но не как сахар в воде, а как окно в доме.

* * *

Соединение, тем более, единство в наши дни редко связывается с освобождением. Не только тоталитарные режимы любили говорить о единстве во имя освобождения. В обычной жизни тоже сплошь и рядом разговорами о единении прикрывают разнообразные формы манипуляции, от семейной, дружеской, до манипуляции чиновниками, государственными деятелями, политиками.

Если бы не любовь, единство стало бы ругательным словом. Как «инквизиция». Инквизиция ведь есть всего лишь латинское обозначения исследования. Впрочем, хотя от любви никто не отказывается, но от брака — всё чаще и чаще. Свобода отождествляется со свободой от всяких внешних форм, от того, что делается для других, ставит в зависимость от окружения ради каких-то плюсику от этого окружения. Например, чтобы пустили в больницу к любимому человеку. Или в тюрьму.

Бог есть источник и любви, и освобождения. Вера освобождает от ненависти, любовь верует, что настоящая жизнь несовместима ни с господством, ни с подчинением. Вера в то, что одна из многих жертв ненависти, господства, трусости — Иисус — есть Сын Божий и Бог — создала странное учение о Боге как Троице. Странное, потому что ни в той религии, которая была религией Иисуса, Его учеников, всего древнего Израиля, ни в религии древней Греции, древней Сирии, Рима и других стран, где христианство развивалось, похожих представле-

ний о Боге не было, а противоречие с верой в единственность Бога — невероятное. Мыслители IV столетия, которые создали учение о Троице, взяли сам термин из античной философии, сознательно и резко изменив его смысл.

Не случайно в христианстве есть направления, которые отвергают учение о Троице, потому что его нет в текстах раннего христианства. Оно не просто избыточно, оно противоречит тому, что эти тексты говорят о едином Боге. Большинство христиан — католики, православные, протестанты, объединённые во Всемирный Совет Церквей, в Троицу веруют, но эта вера обычно чисто головная, не связанная прямо с любовью к Богу и людям. Текста догмата о Троице не знают, да он и не помогает Троицу понять, он сам нуждается в длинных комментариях. Что уж говорить, если в Символе веры Дух Святой не назван Богом — побоялись святые отцы, что их обвинят в многобожии.

Что же побуждало и побуждает не худших, а лучших верующих мыслителей говорить о Троице?

Опыт Бога и опыт Церкви. Опыт любви и освобождения. Нет этого опыта — нет и веры в Троицу, лишь слово «Троица». Бог — единство и свобода, Бог — не любовь, которая может существовать без любимого, потому что в Троице — вот, любящие Друг Друга. Богу не нужны рабы и Бог никому не раб. Бог есть такая любовь, такая свобода, что всё, к чему Он прикасается, полны любви и свободы, и человек может не бояться других, а может соединяться с другими. Соединение — если оно в Боге — не убавляет, и прибавляет свободы и любви. Такова Церковь.

Такова в идеале или такова в реальности? А человек, каждый человек — человек в реальности или человек в идеале? Вместе с другими или в одиночестве?

Ответом является и жизнь каждого человека, и история человечества. Человечество недостойно самого себя, человечество бесчеловечно, но путь человечности возможен лишь с человечеством, хотя именно человечество — главное препятствие для человечности. А Бог — цель, помощь и утешение в те мгновения, когда нам кажется, что всё бесполезно, пото-

му что не только Христос был распят, но и каждый человек бывает распят, беспомощен, умирает — но подымается, воскресает до смерти, до воскресения любовью Отца, верностью Сына, жизнью Святого Духа.

9. ПОЛЯНА

«Во Едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь».

Дом начинается с основания, и тут же начинаются споры. Есть даже выражение «фундаментализм», «фундаменталистское христианство». Иисус, действительно, сравнивал жизнь верующего с домом на скальном фундаменте — в противоположность дому на песке. Однако, фундамент — ещё не дом. Если не будет пола, фундамент — просто яма. Погреб, подвал, бомбоубежище, наконец. Место, чтобы прятаться, чтобы что-то хранить, но не для настоящей жизни. Место, кстати, недоступное ветру — недоступное Духу. Не случайно «фундаментализм» построен на прошлом опыте Духа, а что может быть новый Дух — ну какой новый Дух в бомбоубежище! Одна духота.

Современные дома часто обходятся без фундамента или стоят на таком лёгком фундаменте, что кажется — упадут. Но нет — стоят! Более того, оказывается, что не так важна глубина фундамента, как важна его упругость — его и всего дома. Надо строить так, чтобы удары извне «гасились». Слишком жёсткие конструкции очень легко разваливаются, потому что не превращают энергию удара, напор разрушающей стихии в собственную энергию.

Знаменито высказывание «перегородки, разделяющие христиан, не доходят до неба». В мире конфессиональных раздоров оно позитивно, но это слабое утешение, мы же не на небе пока. К счастью, справедливо сказать, что перегородки, разделяющие христиан, не доходят и до пола. Они, если уж откровенно сказать, даже до подбородка не доходят. Они — повязка на глазах, не перегородки.

Церковь есть общий пол, даже, как сказали бы в старину,

«танцпол». Это уже и до Христа так было: вот в Евангелии часто упоминаются «боящиеся Бога», и это не об особо набожных иудеях речь, это о язычниках, которые участвуют в жизни синагог, поклоняются Богу Израиля. «Общая почва», можно сказать, хотя общее тут не почва, а дух. От таких «богобоязненных» не требовали обрезания (если мужчины) или соблюдения субботы, отказа от свинины и другой нечистой еды. Отчасти это был прагматизм. Евреи были угнетённым меньшинством даже в своей стране, тем более там, куда ехали за лучшей долей — в Риме, в Египте, в Испании. Если вдруг римлянин или грек начинал интересоваться иудаизмом, посещать синагогу, жертвовать на неё деньги (а такое бывало), — это ж была милость Божия. Подъём социального статуса. Высокий покровитель.

Есть анекдот про человека, который приехал в гостиницу, не забронировав номер, а мест нет. «Но если бы к вам приехал президент, вы же нашли бы ему номер?» — спросил он. — «Президенту, конечно, что-нибудь придумали бы». — «Хорошая новость: президент сегодня не приедет, дайте мне номер, который бы дали ему».

Церковь — это номер, предназначенный президенту, Израилю, избранному народу, любимому Богом. Хорошая ли новость, что президент не целиком приехал? Да! Потому что и за пределами Церкви есть жизнь, есть Бог, и пусть иудейские мудрецы в конце I столетия (только через полвека после Христа!) отлучили верующих в Иисуса как Мессию от синагог, Бога-то отлучить невозможно. Главное — чтобы верующие в Христа никого не отлучали.

Можно и нужно строить стены, проделывать двери и окна, крышу, можно и нужно даже «анафематствовать» — пускать в дом Церкви с разбором, а иногда и просить удалиться. Но никак нельзя забывать, что почва — общая, что пол — это вообще-то всего лишь «поляна», место среди леса, и поляна — для всех. Мир — это поляна человечества. Бог так хочет спасти всех, что Сын Божий умер за всех, так что отлучения, прилучения, это всё временное, а в вечности все — в Боге. Что никак не отменяет дверей, стен и потолка, потому что пока вечность — внутри времени со всеми временными

проблемами. Фундаменталистам тоже есть местечко в бомбоубежище, если уж охота. Но цель — чтобы не было бомб и страха перед бомбами, того страха, который и порождает бомбы — превентивные.

Дух Божий дышит, где хочет. В наши дни надо, скорее, доказывать, что Дух Божий дышит и в Церкви, но верующему это самоочевидно. Дышит ли Дух Божий в неверующих, в инаковерующих? Конечно. Поэтому можно и нужно проповедовать веру — не в пустоту проповедь, не каменным идолам-болванам, а людям, в которых тот же Дух, что в верующих. Миссия — не заражение Богом, а пробуждение скрытой в каждом способности обратиться к Богу. Соль земли.

Дрожжи человечества. Это — высокомерие? Может стать высокомерием, но вообще-то это прямо наоборот — радость смирения. Бог избрал меня, чтобы всем стало лучше. Дрожжи не командуют тестом, дрожжи помогают тесту подниматься. Соль не командует супом, соль помогает супу быть вкуснее. Христос не командует христианами, христиане не командуют человечеством. Просто помогают — и помогают прежде всего тем, что живут в мире без перегородок. Сама Церковь — не перегородка, не изгородь, а уборщица, которая моет пол, натирает паркет, подметает. По мере возможности — своей и чужой свободы.

Конечно, одновременно быть Церковью означает быть выделенным из человечества, быть в общине. Общая общность невозможна без общности выделенной, своей. Можно было бы сравнить общину с семьёй, но сравнение хромает, потому что семья — это часть того человечества, которое нуждается в спасении. Семья — не источник спасения, её нужно спасать, спасать от семейного эгоизма, от деспотизма и манипуляций внутри семьи. Церкви стать семьёй — в наши дни огромное искушение, как в Средние века главное искушение для Церкви было стать государством.

Община не семья, Церковь не община, но община — Церковь, а иногда семья — община. А иногда община принципиально вне семьи — таково монашество. Церковь есть общение общин, и тут начинается такая история... Если кратко

сказать — история Церкви, плавно переходящая в историю церквей. С войнами, раздорами, взаимными проклятиями. Правда, и с экуменизмом — но и с антиэкуменизмом, с отрицанием того, что может быть единство духа там, где нет единства веры.

Средние века — это опыт разделения Церкви под влиянием государств. Делятся страны, народы — делятся и христиане, и враждуют между собой. Православные против католиков, потому восточная часть бывшей Римской империи — против западной части, Константинополь (Стамбул) против Рима. Внутри православия свои разделения — в России это деление на «старообрядцев» и «никониан», у католиков — деление на протестантов и собственно католиков.

Этот средневековый опыт разделений казался ужасным, но наступил век интернета, и оказалось, что государство вовсе не главное зло. Главное-то внутри каждого сидит. Христиане ссорятся друг с другом, внутри одной конфессии, и государственная власть ни при чём. Впрочем, и раньше это было, только в глаза не бросалось. Сын и отец одинаково были католики, а друг с другом ссорились. Католики воевали с католиками, протестанты с протестантами, православные с православными. Раньше — на полях сражений, теперь — в интернете. По разным поводам, а причина одна — себя больше, чем Бога, уверенности в себе больше, чем веры в Бога, желания учить больше желания учиться. Самое, возможно, печальное — что в наши дни терпимость, толерантность, миролюбие ассоциируются с чем угодно — с буддизмом, с гуманизмом, с секуляризмом — но не с Церковью. Что же, меньше христианства, меньше Церкви? Наоборот — больше Церкви, больше церковности, настоящей, полнокровной. А Богу — извинения от нас, что мы недостаточно Церковь. Богу — спасибо от нас, что Он облегчает задачу Церкви, действуя помимо Церкви, действуя в верующих других религий и в неверующих, восполняя то, что Церковь не сделала или даже затоптала. Если бы речь шла только об этой жизни, может, и Церковь можно было бы ликвидировать, но ведь речь прежде всего о том, что эта жизнь в одном измерении с жизнью вечной.

Верующий видит, что пол в комнате человечества бесконечен, простирается далеко за горизонт, переходит в бесконечную поляну Рая. Это повод воинственно давить на других, требуя добродетели? Это причина быть добродетельным, быть не в одиночестве, а в общении с теми, кого Бог пошлёт, и для всех быть подмогой и облегчением, быть о единстве как реальности и о любви как возможности.

10. ДВЕРЬ

«Исповедую едино Крещение во оставление грехов».

У детей, когда они соприкасаются с миром взрослых, появляется странное выражение лица: немного застенчивое, чуть настороженное. Даже у самых счастливых и уверенных в себе детей.

Наверное, так держат себя рабы, в их комнату заглядывает рабовладелец, даже самый добрый, только у ребёнка комната — весь мир.

У взрослых такого выражения лица обычно не бывает, но со взрослыми хуже: у них лицо по умолчанию спокойно, но это спокойствие от безнадёжности. Всё испробовано, все встречены, средства и цели определены, иллюзии развеялись.

Вера перестраивает мир взрослых, возвращая ему утраченные надежды, при этом сохраняя опыт зла. Такое возможно, потому что мир лежит во зле, по выражению Евангелия, но мир не есть зло. Мир есть дом Божий, обрушившийся и сгнивший, переделанный где под блиндаж, где под теплицу, где под роскошную, но всё же не Божию, виллу.

Жизнь есть путь, но жизнь есть и дом. Эти два сравнения не так уж несовместимы между собой. Дом ведь не насест, дом это место, где можно безопасно ходить, дом это путь свёрнутый, словно полоса металла, скрученная в пружину часов.

Дом начинается с двери. Не всякий. Старинное слово «темница» обозначает тюрьму — комнату без окон, без света, и дверь в такой комнате это не дверь в дом, где безопасно и светло, это дверь в тьму и смерть, дверь из общечелове-

ского дома. Дом-темница это ад.

Жизнь как дом напоминает парадоксальные рисунки, где замкнутая в себе лестница ведёт лишь наверх, где у камертона двумерное начало с двумя концами, плавно переходит в три трёхмерных окончания. Человек боится раствориться в других, боится организации, «организованной религии», ищет Бога «в себе». Как в Евангелии сказано? Не молись публично, молись в чуланчике. Царство Божие внутри вас. Человек и забирается внутрь себя, запирает дверь в чуланчик сердца своего... и оказывается в темнице вместе с подавляющим большинством человечества. Большинство не всегда подавляющее, но всегда подавленное, потому что в чулане сердца своего темно, сыро и бегают мокрицы сердца своего, жужжат бормашиной комары сердца своего...

Господь Иисус Христос про чуланчик-то говорил не манхэттенскому брокеру, который и про Бога-то услышал случайно за ланчем. Он обращался к людям, которые молились день и ночь, не только публично, но и наедине. Да, им случалось молиться напоказ — но это были издержки молитвенного производства. Контекст немножечко другой, и «немножечко» — это шутка. Совсем другой контекст: не призыв к юному спортсмену лечь на диван, а призыв к пожилому штангисту убавить вес.

Индивидуализм убивает личность в зародыше. Сперва в детсад, потом, если потянет, в монастырь. Церковь странным образом соединяет в себе детсад с монастырём, поэтому в ней не слишком легко и даже увлекательно, если не закрывать глаз.

Церковь же, наоборот, это дом очень и очень личный, персональный, глубоко внутри личности — Царство Божие действительно внутри — но одновременно каким-то четвёртым измерением этот дом есть дом всего человечества. Научиться жить в человечестве не так легко, как хотелось бы, зато не скучно. Главное — почувствовать и/или понять алгоритм.

Крещение, миропомазание, венчание, рукоположение — четыре «тайнства», в которых никакой тайны, кроме тайны человеческой жизни. Антропологи называют подобные обря-

ды «переходными». Переход, имеется в виду, из одного состояния в другое. В физике сказали бы «фазовый переход», иногда «квантовый скачок»).

Крещение — как рождение. Переход из небытия в бытие.

Миропомазание — переход в жизнь. «Бытие» и «жизнь» вовсе не одно и то же, ведь есть же «мёртворождённые». Ох, и в духовной жизни такое случается. Вроде бы родился во Христе, а присмотришься — а что-то как не дышу я, и глаза какие-то стеклянные... Похоже, мёртвенький-то младенчик! «Миро» — символ Духа. Мало родиться, надо задышать.

Эти «переходы» не как переход через дорогу, а как дверь — дверь в дом, дверь в комнату. Дверь — самое слабое место дома-крепости, поэтому в древности дверь старались укрепить материально и духовно, каким-нибудь оберегом (в роли оберега и иконы бывали — Спас Нерукотворный над воротами вешали, а ворота та же дверь, а ещё древнее — «ладонь», отпугивающая ладонь вороватую, или амулет в виде глаза — отпугивающий глаз завистливый. Принцип аллопатии — лечим подобное подобным.

Дверь ведёт в дом, но это дом Церкви или дом человечества? А это один и тот же дом, иначе бы Церковь была абсолютно бесчеловечным явлением. «Церковь» — всего лишь «собрание», «сообщество», ООН, в конце концов. Только ООН не наций, а людей. ООН. Как же в этом доме могут оказаться те, кто не входил через дверь, и зачем входить через дверь — креститься — если и без крещения Бог втаскивает в этот дом кого ни попадя? А вот пока человек задаёт такие вопросы — почему я должен, а тот нет — ему надо вновь и вновь протискиваться через дверь очищения.

Это ещё милосердный получается квест — запас жизней бесконечный. Конечно, это не значит, что надо каждый день креститься — наоборот, одно крещение как одно рождение — но что каждый день просыпаться телом и душой, словно родился заново, и духом — словно крестился заново — это непременно.

Дверь, через которую надо пройти, чтобы встретить тех, кто не прошёл, — так и с венчанием, и с рукоположением. Та-

инства перехода из состояния одиночества в состояние одиночества с другими. С любимым человеком, с «паствой», с Богом. Но как же получается, что не все должны быть замужем и женаты? Как же с монашеством, которое часто пытались объявить таинством, да не выходило даже в те века, когда монахов были миллионы, а уж в наше время, когда монахов раз-два и обмолился, подавно не выйдет? Как же с «всеобщим священством», как выразился апостол Павел про христиан? Не как у мормонов, где все взрослые мужчины священники, просто — все, а вот чтобы и женщины все священники, и все — мужчины и женщины — папы римские, патриархи иерусалимские?

Да вот как-то уж так! Все — сыны и дочери Божии. Все женаты на Боге и замужем за Христом. Все — верующие и неверующие — священники, молящиеся Богу и помогающие молиться другим. Все патриархи, матриархи, папы и мамы.

Таинство не в том, что кому-то дано, а кто-то обделён, а в том, что данное кому-то дано всем. Это повторение и развитие того, что происшедшее с Иисусом — распятие и воскресение — произошло со всеми. Непонятен механизм, способ, как? Потому и таинство. Зато понятно «что» — соединение, объединение и обнаружение в этом единстве единственности себя, утраченной в блужданиях по самому себе.

Самое странное в этих дверях — что пройти в них можно только один раз, как только один ведь раз рождаются на белый свет. Но сплошь и рядом... Семь браков — это ещё ничего, это наивное средневековое баловство. Какая-нибудь полиамория, когда спят с кем захотят, когда захотят и считают всякое иное поведение прелюбодеянием, это посильнее семи браков. Среди русских старообрядцев бывали крестившиеся по многу раз — и каждое предыдущее крещение считали недействительным (как и миропомазание). Бывали и священники, которых рукополагали не один раз. Бывали и бывают.

Такая многократность сильно папахивает предательством. Никто не будет обвинять в предательстве человека, который из одного автобуса переседет в другой. Только вот при посадке в автобус не дают обета ехать только в этом автобусе, в любви

же странно было бы заранее показывать, что, мол, вот у меня ещё десяток поездок, а жизнь коротка, так что, извини, любимая, сама понимаешь. Как и при появлении на свет никто не объявляет, что это первое рождение, а через пару месяцев, если не понравится, умру и рожусь по новой. Есть переходы, исходы, выходы, а бывают и выходки. Как отличить одно от другого?

Самый простой способ: сказать, что настоящая любовь одна, но то, что я считал любовью, любовью не было. Аннулировать любовь, аннулировать веру, аннулировать доверие. Ведь, когда над тобой совершают таинство, тебе доверяют. Когда за тебя замуж выходят, тебе доверяют. Если человек объявляет, что «ошибочка вышла», то тот, кто совершал таинство, не таинство совершал, а ошибку.

Есть, конечно, запасной путь: и не начинать! Не креститься, не венчаться! То есть, любить-то любить, но без крайностей. В дверь не проходить, а в комнате всё-таки жить, но так... в уголочке...

Если жить в чулане души своя — попытка ускользнуть от социального контроля, этому самому контролю подыгрывающая, признающая его неодолимость, то жить с Богом и людьми в вечном «на пороге» — попытка ускользнуть от самоконтроля. Впрочем, и от социального тоже — ведь другие верующие тоже «социум».

Если вспомнить, что «контроль» это на многих языках, а главное, по смыслу, ещё и «власть», то избегать контроля вовсе не преступление, а просто свободолюбие. Бог милостив, снизойдёт к нашей слабости — а впрочем, почему «слабости»? Это наша сила — не пытаться контролировать жизнь, любовь, дружбу.

Бог милостив. Он уже снизошёл. Как говорят в голливудских кино, «это и была вторая попытка, сынок». Таинства — это как раз часть Божьей милости. Вера проверяется тем, насколько таинства — это и есть та самая свобода от контроля, от инфантилизма, от садомазохизма, вольная воля быть на равных со всем миром. Во власти и контроле ничего таинственного нет. Да, это означает, что в истории Церкви бывало много таинств, которые вообще таинствами не были — по сути, а были просто кощунственным злоупотреблением обрядом. Что хуже, это означает,

в любом таинстве, с самым искренними, набожными, святыми участниками, всегда есть какая-то доля не таинства, а кощунства. Но вновь: в том и таинство, что это доля уничтожается, преодолевается и даже преобразуется силой Духа Божьего.

Остальные три таинства — покаяние, причастие, елеосвящение тоже своего рода двери. Только таинства, вводящие в новую — общечеловеческую — жизнь, похожи на двери, открывающиеся внутрь, которые нельзя открыть, если изнутри кто-то их придерживает, что бывает. Эти же таинства похожи на дверь, открывающуюся наружу. Иногда пружина тугая, иногда сил не осталось, но открыть такую дверь часто тяжелее, чем совершить однократный прорыв.

Про покаяние знают все, о причастии все слышали, про елеосвящение даже верующие не все знают. Елеосвящение просто путается с елеопомазанием. Может, поэтому чаще его называют «соборованием» — имеется в виду «собор» как «собрание», собрание семи священников, которые молятся о выздоровлении больного. В Средние века это таинство стало восприниматься как последняя возможность помочь умирающему, чуть ли не как проводы в смерть. Так в Средние века и к венчанию относились в народе чуть ли не как к смерти: вольная жизнь кончилась, начинается рабство. Покаяние тоже старались подогнать поближе к моменту кончины. Жизнь по заповедям Христа воспринималась как довесок к обычной, довесок замечательный, но обременительный. Конечно, такое бремя лучше сократить до минимума.

С точки зрения Евангелия всё прямо наоборот: так называемая «нормальная жизнь» это патология уже в силу своей конечности, не дающей выполнить всё, что может человек. Только вечность — достойное человека пространство. Человек же боится вечности, потому что и от обычной жизни страшно устаёт, не сознавая, что устаёт именно от «обычности», «временности» времени, от заикленности.

В лучшем случае, покаяние, причастие, елеопомазание воспринимаются как возможность вернуться к нормальной жизни, «подзарядившись» у Бога. Но когда апостол Пётр предал Иисуса и покался — он разве вернулся к началу своих от-

ношений с Христом? Он переступил порог, он вошёл в новый мир, где предательство невозможно.

Соборование — это ведь не просто «возвращение здоровья», и далеко не всегда это возвращение здоровья. Побывать в реанимации и вернуться обогащённым жутковатым опытом, всякими там видениями и т.п.? Нет, это как Достоевский — оказаться перед расстрельной командой и вдруг получить помилование.

Причащение — это ведь вновь оказаться в там и тогда, когда Иисус противопоставляет смерти — Себя. Не Свою силу, не Своё Царство, а просто Себя. Это жуткий, страшный момент. Точка веры — или отказа верить. Это не возвращение, это — вдвинуться в совершенно новый мир, где злу сопротивляются собой и только собой.

Не таинства чистоты, здоровья, сытости, а таинство надежды, доверия, любви.

Эти таинства кажутся противоположным первым четырёх. Те неповторимы, эти должны повторяться. Крещение, миропомазание, венчание, рукоположение — переход в новое состояние. Это волна. Покаяние, причащение, соборование — это частица, это «здесь и сейчас». Но в Боге крайности сходятся. Из точек рисуется линия. Причащаться означает вновь и вновь оказываться в одной и той же точке пространства и времени, с Иисусом перед арестом. Креститься означает вступить на ту самую линию, которая состоит из этих точек. Любовь к человеку — линия или точка? Линия из точек и точки в линии. Так рисуется и становится реальностью странный дом, в котором уединение сочетается с единством, личность с человечеством, человечество с Богом.

11. СТЕНА

«Чаю воскресения мертвых».

Оживший покойник? Конечно, хождение по водам чудо, но оживление трупа даже не чудо, а просто немислимо. Немислимо, но мыслилось спокойно в течение веков. Современно-

му человеку легче поверить в то, что Бог есть, чем в то, что покойники воскресают. Современнику Иисуса в Бога было поверить не легко и не трудно. Знание, что Бог есть, впечатывалось в него по мере воспитания, как и знание о том, что бывают ожившие трупы, не до конца умершие, беспокойные покойники. Чудо было не то, что Иисус ожил, а то, что Он ожил живым, не стал живым трупом, противным и опасным.

Прошли века. В XIX столетии впервые люди перестали считать само собой разумеющимся существование Бога и возможность оживления трупов. Религиозное воспитание стало пробуксовывать. Оно как-то само собой потеряло силу. По выражению Пушкина, «как эта лампада бледнеет пред ясным восходом зари».

Господи, это ж надо до утра глушить шампанское с друзьями! Он же не молился всю ночь, лампада болталась в углу как бессмысленная дань традиции.

Пушкин глушил шампанское и бросался на Дантеса как на амбразуру, и это не было нормально, это был какой-то странный способ проверить смерть на прочность. Гоголь ни на кого не бросался, но панически боялся быть похороненным заживо. Это был массовый психоз той эпохи. Но Гоголь же гений, он ещё и преобразил этот невроз в «Мёртвые души» как символ человечества, Перефразируя его же персонажа, «тому нечего бояться умереть заживо, кто заживо мёртвая душа».

В древней Руси гроб называли «домовина». Да и в наши дни могилы это эхо, отражение жилых домов — у кого многоквартирная крематорская стена, у кого вилла с кабинетом, храмом, телефоном. Быть похороненным заживо не боимся: а какая разница, в конце-то концов. Наука говорит, что чисто количественная. Дом стал домовиной, разница между бездушными мертвецами и мёртвыми душами стёрлась. Она и раньше-то была не велика, только прикрывалась религией.

Слепой, ощупывая хобот слона, вообразит себе пожарный шланг. Зрячий, ощупывая жизнь, видит, что наши достижения всего лишь краешек кисточки, украшающей гроб. В кинофильмах иногда покажут внутренность квартиры, а потом камера начинает подыматься, и вот уже виден дом, город, континент,

планета, галактика, и в последнем рывке вся эта галактика оказывается внутри перстенька на пальчике школьницы. Эх, если бы перстенёк!

Общечеловеческий дом — это не только невидимые стены, границы между государствами, богатыми и бедными, здоровыми и больными. Это ещё и вполне материальные стены, которыми люди пытаются обеспечить жизни надёжность. Стены канцелярий и тюрем. А есть ещё стены норм и застенки правил, карцеры традиций и казематы с казармами.

В этом мире смерти высшее достижение — обустроить себе домовину по своему вкусу. Но даже если это будет домовина эпикурейца-стойка, как домик Генри Торо на берегу озера Уолден, доказывающий, что можно прожить на подножном корме, то всё равно это доказательство смертности, разделённости, неполноты.

В таком мире и религия, вера, Церковь превращаются в пирамиду смерти, в попытку обустроить внутри стен града земного гетто града небесного. Сила воскресения вращает турбины смерти. Может быть, острее всего это выражено в идее Николая Фёдорова о том, что смысл науки — научиться воскрешать мёртвых, чтобы отблагодарить их, без них не было бы нас, живых. Наука, может, и научится воскрешать умерших, но при чём тут благодарность и что с этими воскрешёнными делать? Воскресший Иван Грозный останется тираном, и Ульянов, и Мао, не говоря о садистах поменьше.

Не воскресение виновато в смерти. Смерть, конечно, рада поставить веру себе на службу, но ведь не получится. В тот момент, когда верующий начинает участвовать в строительстве домовины насилия, страха, бесчеловечности, сила воскресения покидает его. Смерть вновь и вновь запрягает Церковь, но как запряжёт — а это и не Церковь, разве что её макет.

Где же Церковь? Она — Дом Божий, Город Божий, но в отличие от города смерти, чьи стены из кирпичей и уголовных кодексов, стены Церкви — из людей. Живущий в стеклянном доме не должен бросать камни в других, живущий в Церкви прежде всего не может убивать, никого, никогда, потому что это означало бы уничтожить того, без кого Дом Церкви ока-

жется домом без стен.

Не заповеди Божии — стены Церкви, а люди, живущие по заповедям и защищающие их. Церковь не в бревнах, но и не в рёбрах, вопреки старинному присловию. Церковь в готовности быть живой стеной. Стеной, защищающей не верующих, а всех. Стеной движущейся, словно ширмы в японских домах — чтобы никакое землетрясение не было страшно.

* * *

Стены Церкви отнюдь не складываются в стройное здание. Они всегда — лишь маленький кусочек здания, которое находится в вечности и никогда не будет «мгновение, ты прекрасно». Так и с обычными стенами, только те — парадная часть кладбища, а Церковь — черновая, рабочая часть Рая.

Церковь служит обществу, напоминая о воскресении, но эти напоминания отнюдь не политическая программа, не чёткий чертёж.

Живые стены — разные. Они далеко не всегда стыкуются друг с другом. Только недавно Церковь — и то не вся — стала отвергать смертную казнь. Вообще. Как и положено Богом. А вот войну всё ещё не отвергает. Выходит, Церковь отстаёт от неверующих — пацифистов и гуманистов? Ну да, отстаёт. Стыдно? Стыдно. Но это не означает, что нужно убежать из Церкви к пацифистам и гуманистам. Наоборот, нужно видеть в пацифистах и гуманистах не просто тех, кто «близок церковным стенам», а тех, кто и есть живая церковная стена. Одна из многих. Но если не будет Церкви, то пацифизм с гуманизмом, победив смерть насильственную, умрут на руках смерти «естественной».

В современном мире Церковь ассоциируется прежде всего с материализмом. Христиане в глазах мира это те, кто требуют — как в старину — сажать в тюрьму за аборт, сажать в тюрьму гомосексуалистов, запретить противозачаточные средства, запретить разводы, запретить наркотики, алкоголь, запретить «зачатие в пробирке», запретить самоубийства, а если кто выживет после попытки самоубийства — сажать в тюрьму. «Как в старину» — это совсем недавно, в середине XX века.

Ключевое слово: запретить. Законом. Судьи, прокуроры, полицейские, тюремщики да наказывают.

Причём в результате 14-летняя девочка, забеременевшая от священника и сделавшая аборт, может получить пожизненное заключение, а священник, её соблазнивший, отделается 5 годами тюрьмы, потому что аборт — убийство, а соблазнение нет, а у священника ещё и положительные рекомендации от прихожан, которых он не соблазнял.

Те же самые люди не требуют запретить войну или смертную казнь, а часто даже призывают к войне (справедливой, конечно и, конечно, справедливость эта всегда в кавычках; справедливые войны существуют лишь в святом аду) или к смертной казни. Для защиты, стабильности, безопасности, святости.

Конечно, огромное количество неверующих, атеистов, агностиков придерживаются тех же взглядов. Но с них спроса нет. Огромное количество христиан против войны, против смертной казни, против запретов, но о них не очень пишут, потому что зачем писать о тех, кто не представляет опасности. К тому же Церковь — это прежде всего церковные организации с освобождёнными работниками, с руководителями, с официальными представителями, и чем официальнее представитель, тем чаще он на стороне запретов и тюрем. Хотя бы к войнам отношение стало попримечнее!

Вопросы зачатия, рождения, секса, смерти, — это вопросы количества людей. Есть и вопросы качества — справедливость, образование, свобода, милосердие. У Церкви не очень славное прошлое и тут, потому что она не просто терпела рабовладение, угнетение, невежество, но и соучаствовала в этих грехах. Даже в современном мире самые разные — и самые многочисленные — христианские направления предпочитают общество антикварных королей и гламурных бизнесменов. Не Церковь, а Чарльз Диккенс и Карл Маркс защищали рабочих от жуткого угнетения в XIX веке (пусть Диккенс защищал их не очень удачно, а Маркс очень даже неудачно).

Где-то к середине XX столетия Церковь наконец-то стала принимать сторону рабочих, хотя ещё бичевала «теологию освобождения», путая её с террористами от марксизма. А тут как раз проблемы рабочих отошли на второй план — появился новый класс, рабочих компьютерной эпохи. Теперь Церковь

не успевает за их нуждами. А как успеть, если надо ещё и менаджеров высшего звена окормлять.

Всё это выглядит довольно мрачно и навеивает мысли о том, что проблема в Церкви как иерархической организации. История эти мысли развеивает: есть христианские движения, да и просто христиане-одиночки безо всякой иерархии, а душевное их настроение вполне инквизиторское. Инквизиционные ручейки питают море Инквизиции, не наоборот.

Что же плохого в запретах? Разве заповеди Божии — от Ноя до Павла не запреты? «Не укради», «не лги»? А вот не запреты по одной простой причине: наказания не предусмотрено. Даже ада — потому что в совсем древнюю эпоху, когда и были сформулированы заповеди, не было веры в загробную жизнь. Во времена Спасителя уже про ад знали всё до тонкости (на рай особо не ориентировались), равно как и про то, как его избегать. Но Спаситель спас тем, что перекрыл все лазейки. Даже заинтересованный взгляд на девушку — в ад. Но ад за всё — понятно, что это использование слова «ад» в совершенно райских целях.

Заповеди Божии не только не предусматривают наказания — серьёзного, чтобы хоть бы кто испугался. Они стены — но они стены с окном. Откровение Божие — это открытое окно в стене. Стен и без Бога полно, вот окон дефицит. «Не убий» — стена, воскресение — окно в стене. Если верующий в воскресение требует смертной казни — окно воскресения получается с решёткой. А это уже если не гроб, то тюрьма.

Идея сплочения, «стать стеной на пути у порока» — это не человеческая, а вполне животная идея. Человеческого в идее стены — окно. И чем больше окно, тем больше человеческого, а когда окно размером со стену — это уже Божье в людях. Мир на земле. Но сколько же стен с нарисованными окнами! Искусно нарисованными, но искусственными.

Тяжеловесная формула «социальное служение Церкви» это и есть человек-окно и люди-окна, здание из окон. В эпоху небоскрёбов это архитектурная реальность, осталось сделать её реальностью человеческой. Пусть иногда закрытое, пусть иногда открытое так, что можно только наружу выглянуть,

а внутрь воздух не проходит. Хотя бы так!

Легко фантазировать о том, как человек превращается в сверхчеловека и молниеносно спасает человечество в целом и отдельных нуждающихся в частности. Вера в Христа противоположна фантазии. «Новый человек» — не сверхчеловек. Он не спасает мир — он пользуется спасением, чтобы здесь и сейчас жить как в раю. Не в смысле балдежа и ничего-неделания, а в смысле не искушать ближних, а вдохновлять. Конечно, чтобы кого-то вдохновить, надо принять вдохновение — вот здесь и начинается Церковь как голубятня Духа Святого. И не мы гоняем голубей, а Дух Святой гоняет нас. Со стороны, возможно, интересно, во всяком случае не принимается сразу в штывы как требования запретить, посадить, наказать. Не роскошный дворец, куда мы заманиваем на условиях выполнить то-то, то-то и ещё вон то. Мы в чужом доме, и мы не «мы», а одинокий «я», усталый, недоумевающий, умирающий в прямом или в переносном смысле, но и воскресающий, а главное — хоть чуть-чуть, да воскрешающий. Помогающий, сколько можно, строить дома тут, на земле, для земного счастья, но и работающий в наличном земном доме окном в совсем другое пространство.

А что голубятня по латыни «колумбарий», потому что «голубь» — «колумб», все, конечно, знают. И колумбарий — колумбарий, потому что душа — аки голубь.

12. КРЫША

«И жизни будущего века»

Христос часто говорил о Страшном суде, причём не о каком-то загробном, а с доставкой на дом. Всё будет разрушено! Бегите из городов в горы!

Неверующие говорят: что разрушения не было, страшный суд не состоялся, христианство «отяжелело», стало жить «как все».

Было разрушение! Было и есть! Был Страшный суд, был и есть. Есть и «отяжелели», «жить как все», но христианин любой знает, что «жить как все» это предательство — и всех,

и Бога, и себя.

Разрушение материального мира — такой же символ настоящего разрушения, как хлеб с вином — символ подвига Иисуса. Один из символов. Преступник оправдывает себя обстоятельствами, человек оправдывает бесчеловечность средой.

Страшный суд в том, что Бог разрушает эти оправдания. Как? По-разному, но никогда не материально, потому что материальная среда одна для всех, а живут все по-разному, ведь не среда определяет душу.

Бог строит для каждого персональный апокалипсис, точно по мерке совести (бессовестности). До смерти, а не после смерти. В этом смысл крещения: умереть, принять апокалипсис и суд, а дальше — новая жизнь или новые муки. Вечные? Качественно — да, количественно — ну какое может быть количество там, где царствует качество?

Каждый человек строит свою жизнь как дом. Невидимый дом, дом психики, души, опыта. Апокалипсис — это уничтожение этого дома. С разной скоростью, конечно. Апокалипсис — не астероид, который может уничтожить всю Землю. Не планета судится, а один-единственный человек, и казнь начинается прежде слушания дела и приговора. Кто не чувствует этого личного апокалипсиса... Что, завидно? Значит, мой апокалипсис будет прежде всего апокалипсисом для завистника.

Господь за три года проповеди часто говорил о Страшном суде, и только накануне Своего апокалипсиса — Голгофы — сказал, что после воскресения обеспечит каждому Адвоката. «Параклит» — так на греческом называли защитника на суде, ходатая, адвоката, и так назвал Христос Духа Святого — Того, Который защитит не от врагов, а от Друга, не от ненависти, а от Любви — от Любви Божией, от Друга Небесного. Защитит, чтобы не сгореть в этой любви и дружбе. Чтобы не сгореть, надо зажечься — вот Дух Святой и зажигает. Чтобы не гореть вечно, надо гореть вечностью.

Страшный Суд совершается прежде всего над религией. Апокалипсис для верующих в апокалипсис, поэтому Иисус не говорит, что будет разрушен Иерусалим (хотя был разрушен), а говорит, что будет разрушен Храм. Религия тысячелетиями была заботой

о смерти, культом умерших, поминовением покойников. Очень эгоистическим культом и очень корыстным поминовением. Во-первых, чтобы покойники были покойниками, не подымались из гробов, не беспокоили живых. Во-вторых, чтобы и себе обеспечить загробное счастье, конфетку, а не преисподнюю.

Всё это выворачивается наизнанку в культе святых. Не в том культе, который культ, снизу вверх, бесконечная дистанция, а в том культе, который общение, жизнь под одной крышей. Не страх перед покойниками, а радость от полноты жизни в жизни вечной.

Вывернутая наизнанку религия, конечно, всё равно религия. Крыша мира. Но крыши бывают разные. Символ роскошной жизни — автомобиль «без верха», открытый солнцу и воздуху. Без крыши. Идеальный дом тоже без крыши: сад, бассейн... Ну, под ними на всякий случай роскошный пентхауз, но благодаря такой крыше он оказывается всего лишь погребом или — мечта мальчиков — бомбоубежищем, где есть всё нужное для вечной жизни в адском одиночестве.

Христианство как религия и есть праздник на крыше. Пентхауз никуда не делся, просто выбрали на самый верх. Город разрушен — да здравствует небесный град! «Гора» и «город» это ведь однокоренные слова, от эпохи, когда города всегда были огорожены от врагов, а гора — прекрасная основа для ограды. Пока взберутся по склону, всех перестреляем. Не то Небесный Иерусалим — он только и подставляет себя, стелется ковриком. Как в рассказе о больном, которого спустили к ногам Иисуса через крышу, на подстилке, разобрав настил. Пол тогда и стал крышей.

Религия как крыша это прежде всего формы, обряды, причём традиционные. Привычные ритуалы: утренняя и вечерняя молитва, воскресное богослужение, чтение Библии и книг единоверцев. Даже дела милосердия — и те должны стать привычкой, тут не надо ждать вдохновения, достаточно узнать о чьей-то нужде. Дух потом сам придёт, если сочтёт нужным, а добро сделать — само собой.

Религия порождается верой, но религия порождает суеверия. На вершине религиозной жизни суеверий не меньше,

чем внизу, и они утончённее. Суеверия, основанные на материальном сходстве (упадёт нож, в гости придёт мужчина, упадёт ложка — женщина) — как же это мило в сравнении с суевериями, основанными на сложных, но всё равно ошибочных интеллектуальных построениях.

Суеверное отношение к Библии, возможно, самое распространённое из суеверий, потому что это суеверие грамотных людей. Уже научились читать, ещё не научились понимать прочитанное во всей глубине. Написано «не называйте никого отцами» — не будем никого называть отцами. Такой буквализм никогда не бывает последователен: никто (почти) не пытается вырвать себе глаз или заставить гору двигаться. Идут по пути наименьшего сопротивления, и это хорошо, зачем нужно членовредительство или горовредительство.

В религиозной жизни много суеверий, которые сами верующие ещё не осознают как суеверия. Не страшно, со временем всё станет на свои места — лишь бы суеверия не мешали любить. Так ведь мешают, этим и опасны. Может быть, самое опасное суеверие — убеждённость в том, что существуют «секты», что сектантство — свойство каких-то отдельных людей и движение, а не всеобщее искушение закрытости и агрессивности, идолопоклонства с невежеством, которое можно победить чем-то помимо Духа Святого, Духа открытости и любви. Чего стоит такой вид сектантства как закрытость науке и искусству, высокомерная и агрессивная глухота, взгляд на неверующих и инаковерующих «сверху», словно в самом деле на крыше стоишь. Крыша такого не терпит: улетит из-под ног, а человек даже не заметит в своей самоуверенности, что уже давно не ходит по воде, а булькает в болоте.

Риск впасть в суеверие велик, но побеждается не отказом от веры, а ростом веры. Вера для суеверий как весна для зимы. Для суеверий, не для суеверов. Суеверы тоже люди, Бог не даст им пропасть. Простейший пример: почитание святых. Может оно быть суеверием, обожествлением людей, идолопоклонство? Ещё как! Бывает ли почитание икон идолопоклонством? И бывало, и будет. Что ж, запретить? И это бывало, а результат предскажем: одно суеверие сменялось другим. Не

святые и не иконы виноваты в суеверном к ним отношении. Как и сказано в Евангелии: если глаз твой соблазняет тебя, вырви глаз. Не убивать же того, кто соблазняет! Но и про «вырви глаз», как уже было сказано, фигура речи. Не окулиста нужно, а кардиолога. Небесного, конечно.

Что нам мешает, то нам и помогает. Человек становится суевером из-за ложно понятых совпадений, из-за материального отношения к Духу. Лечится суеверность и магизм — духовным отношением к материальному. Дух — крыша Церкви. На этой крыше каждый день праздник — день рождения святого, множества святых. Праздники христианства — сплошные дни рождения.

Каждый день церковного календаря — день рождения какого-то святого. День его гибели. Именно гибели — первоначально святыми считались вообще все верующие в Христа, а память праздновали тех, кто за Христа погиб, был убит за веру. Но ведь то, что христиане умирают — само по себе мученичество за веру, какой бы «естественной» ни была смерть. По логике, нас всех надо было бы живыми в Небесный Иерусалим брать. Но как без других? Это как если бы Спаситель не родился и не погибал, а так, с неба ручкой помахал.

Теоретически каждый день христианина — участие в праздничной вечеринке по случаю дня рождения, но только все эти вечеринки возможны только внутри Тайной Вечери. Церковный год это ежедневное повторение одного-единственного дня, и ещё не Апокалипсис, потому уже Тот Самый Вечер. Иисус вновь и вновь идёт быть судимым, а не судить, этим все и живы. Более того — за год верующий проживает всю жизнь Христа, от Пасхи до Пасхи, от Пасхи с Моисеем, когда зародилось доверие к Богу, до Пасхи с Иисусом, когда это доверие умерло с Христом и с Ним воскресло, с Ним и преобразилось, пройдя путь от Обетованной Земли к Обетованному Небу.

По форме, конечно, все праздники Церкви происходят — как и предшествующие им праздники иудаизма — от праздников крестьянских, землепашцев и скотоводов. Посев, урожай, приплод, от голода к празднику, редкому и тем более весёлому. Только в Церкви каждый день праздник. Ничего за-

зорного тут нет, из земли хлеб, из хлеба дух, но в Церкви и это выворачивается — не Дух, но Плоть. Просто истерзанное, измученное Тело. Кровь издревле символ жизни, но тут Кровь — это последние капли из проткнутого гвоздями и остриями копий Тела. Скоро две тысячи лет как они капают — «в воспоминание».

Воскресение есть прежде всего воскресение памяти, в которой содержится и смерть Бессмертного, и слабость Всесильного, и все слабости и смерти человеческие. Так что на крыше Церкви довольно своеобразная вечеринка. Тайная вечеринка, в которой единственная тайна — как можно благодарить за то, за что надо просить прощения. Потому что вновь и вновь совесть отвечает нам как следователь Раскольникову на вопрос, кто же убил: вы же и убили-с. Но — Дух Божий подул... Тысячелетиями строившаяся религиозная крыша, с храмами и праздниками, обрядами и жертвами, вдруг превращается в самую удивительную и самую простую из всех возможных крыш — в зонтик, который немножко защищает от непогоды (совсем немножко), а главное — в какое-то мгновение превращается в парашют и парус и уносит в ту даль, которая и есть настоящая родина человечества.